ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 39 (2422) Суббота, 15 мая 1948 г. Цена 40 коп.

Алишер Навои

Народы советской Родины торжественно отмечают 500-летие со дня рождения гениального узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои.

В мрачную феодальную эпоху, в эпоху обострения классовых противоречий между феодалами и трудовым народом, религиозного фанатизма и изуверства, Навои смело поднял свой голос в защиту разума, справедливости и гуманности, в защиту прав человеческой личности, в которой он видел мерило всех ценностей на земле.

Он мечтал об идеальном государстве, в котором справедливость и уважение к человеку, восхищение его трудом, национальное равенство будут основными законами общества, где основной заботой правителей будет забота о благосостоянии страны. Политические и социальные взгляды Навои были, конечно, исторически ограничены, в своих замыслах он не стремился к уничтожению эксплоатации. Однако в те далекие времена неограниченной, человеконенавистнической деспотии эти взгляды были прогрессивны, и они высоко поднимали Навои над его жестоким веком.

Покоряет и восхищает та смелость, с которой Навои беспощадно бичует в своих произведениях властителей, угнетающих народ, жадность и бесчеловечность их прислужников — представителей придворной и клерикальной камарильи. Достоин удивления благородный образ самого поэта, который, будучи в течение многих лет визирем (министром), последовательно пытался осуществить в своей практической деятельности заботу о благосостоянии страны: проводил оросительные каналы, строил школы, мосты, библиотеки, бани, больницы.

Величественные образы его поэм — Фархад, Ширин, Лейли, Кайс, Искендер и другие — служили для многих поколений образцом душевной чистоты и высокого благородства и доселе не утратили своего обаяния и воспитательного значения.

Поэтическое творчество Навои было огромным шагом вперед в развитии узбекской литературы, уходящей корнями в глубокую древность. Он не только, в отличие от своих предшественников, ввел в поэзию мотивы социальной и политической жизни, но и положил основание реалистическому изображению характеров. Он, наконец, стал основоположником новой узбекской литературы, смело отбросившим устаревшую традицию создания литературных произведений на арабском и персидском языках и с щедростью гения раскрыл неисчерпаемые сокровища родного узбекского языка. Навои хотел, чтобы его слышал народ:

Мой труд! Найди к душе народной путь,
Народу моему желанным будь!

Огромное творческое наследие Навои — шесть поэм, четыре лирических сборника и ряд прозаических и историко-литературных трудов — оказало колоссальное влияние на развитие литературы и прогрессивной общественной мысли Средней Азии и всего Ближнего Востока. Традиции Навои развивались в узбекской литературе, как традиции культуры демократической, ставящей своей задачей служение интересам народа. Благодаря этим усвоенным передовыми узбекскими писателями традициям в XIX веке установилась прочная связь между узбекской литературой и самой передовой и демократической литературой мира — русской, что явилось новым шагом вперед в развитии узбекского искусства. Первые научные работы о Навои были написаны русскими учеными.

После Великой Октябрьской социалистической революции с помощью русского народа, под руководством большевистской партии Узбекистан превратился в цветущую советскую республику, создана новая узбекская культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Прогрессивное влияние передовой русской культуры подняло литературу Узбекистана, как и литературы других народов советского Востока, на небывалую высоту.

Имена многих поэтов и прозаиков Советского Узбекистана — Гафур Гуляма, Миртемира, Айбека, Уйгуна и многих других — широко известны во всей стране. Узбекская художественная литература вплотную подошла к постановке и решению в произведениях писателей коренных, важнейших тем социалистической современности. Успехи советского литературоведения впервые раскрыли значение и огромную роль, какую играли в прошлом литературы наших народов в развитии культуры человечества.

До революции творения Навои были доступны лишь очень узкому кругу узбекской интеллигенции, народ знал о них лишь из устных пересказов народных певцов. Ныне произведения Навои широко известны не только в Узбекистане, ставшем страной сплошной грамотности, — они переведены на ряд языков советских народов: украинский, киргизский, латышский и другие.

К юбилею поэта на русском языке вышли «Пятерица» (пять поэм) Навои, его лирика, отдельными изданиями поэмы «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин». Прошлая культура народов советских республик все более становится достоянием человечества.

Важнейшие и ответственнейшие задачи возникают в связи с этим перед исследователями истории литератур братских республик.

До сих пор в нашем литературоведении нет полной ясности по некоторым основным вопросам литературного наследства. Так, в исследованиях, посвященных прошлому литератур, часто не получает четкого воплощения гениальная мысль Ленина о наличии двух культур в каждой национальной культуре. Поэтому нередко в этих исследованиях наряду с великими прогрессивными деятелями и мыслителями незаслуженно поднимаются и возвеличиваются и представители реакционной идеологии эксплоататорских классов.

Взаимосвязь исторических судеб народов Средней Азии нередко побуждает ученых-исследователей к тому, что свою основную задачу выяснения вклада, сделанного тем или иным народом в историю культуры, они подменяют бесцельным исследованием различных «влияний» со стороны. При этом забывается существенный исторический факт — разграбление литературного наследства покоренных народов народами-завоевателями, как, например, присвоение персами и турками литературного наследства азербайджанцев или пренебрежение пришлых правителей к культуре народа. Невнимание литературоведов к подобного рода фактам приводит к тому, что утрачивается исторический приоритет народов, ныне ставших советскими, в создании культуры Среднего Востока.

В то же время подлинное влияние в XIX веке передовой русской культуры, обеспечившее в конечном счете тот гигантский скачок в новое качество, который сделали литературы народов советского Востока с появлением советской художественной литературы, часто вовсе обходится исследователями или ставится в один ряд с восточными «влияниями».

Ряд подобных ошибок в важнейших вопросах развития литератур, явления неизжитого низкопоклонства перед культурой феодально-буржуазного Востока способствуют сохранению буржуазно-националистических пережитков, тормозящих развитие литератур советских народов. Полное избавление от обветшалых взглядов и концепций в условиях того успешного развития братских литератур, которое происходит в нашей стране, будет новым стимулом к их дальнейшему процветанию.

Пусть же юбилей великого Навои, на который сегодня с'ехались в столицу Советского Узбекистана представители литератур всех советских народов, будет не только данью уважения памяти народного гения, но и новой вехой на пути нашего литературного развития, решения вопросов, поставленных жизнью перед нашей художественной литературой, критикой и литературоведением. Пусть этот праздник культуры — новое, яркое свидетельство дружбы братских народов Советского Союза — послужит дальнейшему укреплению идейного единства всех советских людей, новому торжеству ленинско-сталинской национальной политики, дальнейшему возвышению социалистической культуры многонационального советского государства.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ И МЫСЛИТЕЛЬ

Николай ТИХОНОВ

В желтой, безводной Катта-Курганской котловине ходят голубовато-зеленые волны «Узбекского моря»; через пустынные прибрежные холмы, где бегали лишь ящерицы и шуршал песком горячий ветер, прокладывают трассу железнодорожного пути Чарджоу — Кунград; белый хлопковый океан заливает просторы Узбекистана; высится мощная плотина Фархадстроя, дымят трубы металлургического гиганта, стучат врубовые машины в ферганских шахтах, на новых улицах Ташкента, залитых электрическим светом, идут толпы молодежи — завтрашних строителей, ирригаторов, инженеров, геологов, летят самолеты в Хорезм, и школьники сидят под вековыми деревьями Самарканда, города, не помнящего дня своего основания, и читают бессмертные строки великого Алишера Навои.

Им кажется сказочным сном то, что он написал. И он когда-то сидел в тени исполинских карагачей и тополей в своей ранней юности, и ему снился сказочный сон о людях-богатырях, и, может-быть, тогда являлись ему в детских грезах подвиги Фархада и прелестные черты бесстрашных и умных красавиц с нежным сердцем и непобедимой страстью.

Он глядел на пышные базары, на нищих с желтыми тыквами, на дервишей, косматых и смотрящих исподлобья, на гиссарских жеребцов, играющих под великолепными наездниками в раззолоченных одеждах, на скромных учеников медрессе, на медлительных купцов, с ног которых падают в пыль старые, широкие туфли, на закутанных в пешаварскую кисею женщин, торопливо пробирающихся со служанками по узким переулкам, на уличного писца, пишущего письма неграмотным крестьянам, на терьякешей с безумными лицами, опирающихся на глиняные дувалы, на все многообразие человеческой суеты, на смесь унижения, гордыни, страха, властолюбия, низости и веры в слепую судьбу.

Потом он вырос и навсегда запомнил день, когда в ослепительном зале дворца, среди опахал и блеска щитов и плащей, он читал величественную оду, длинную и звонкозвучащую, султану Хусейну по случаю вступления его на престол. С этого часа он стал придворным, вошел в таинственный, сложный, грозящий всеми случайностями дворцовый мир, губящий независимую, жаждущую справедливости душу. Но он не погубил души. Он был знатоком искусств, покровителем наук, другом народа. Но выше всего в нем вздымалась волна вдохновения.

Он стал поэтом, и поэт в нем преобладал над всеми другими его талантами. Он знал, что и до него писали на узбекском языке. И он был без ума от соблазнительных, влекущих, колдовских стихов Аттаи, от удивительных строк Лутфи. И ему самому захотелось писать, как они, захотелось возвысить родной язык и доказать, что он обладает всей силой, какой обладают персидский язык и арабский язык. Он писал по-персидски так хорошо, что мог остановиться на этом, совершенствуя свой стих и удовлетворяясь всеобщим признанием. Но он не был бы Навои, если бы не был на голову выше своих современников, если бы не считал, что стихи, написанные на родном языке, подымают его национальную гордость, что это — громадное, нужное дело, государственное дело.

Он был наделен от природы всевозможными талантами и такой кипучей энергией, что ее хватило бы на нескольких человек. Кому же посвятить все эти силы? Служению мимолетной красоте, тревогам сражений, поискам удовольствий, охоте, путешествиям? Нет, — все, что было в нем живого, рвалось к необыкновенному свету, пронизавшему всю жизнь. Это необыкновенное был народ. Тот народ, что строил государственные постройки, ткал, сеял, молотил, строил дороги, мосты, терпел лишения, платил бесконечные налоги, терпел голод, переносил разорения войн и набегов, работал на господ, светских и духовных.

Чтобы спасти народ от грабительского налога, он временами сам уплачивал за него часть этого налога. Чтобы дать приют людям, приверженным к искусствам, он строил для них жилища, где они могли жить тихой жизнью отшельников, присягнувших своей страсти, будь то живопись или философия, наука или поэзия.

Он строил больницы, общежития, школы, бани, каналы. Если бы ему позволили, он все богатства казны обратил бы на сооружения новых городов, где человеку было бы легко и хорошо жить. Он бы собрал со всей страны лучших музыкантов, художников, ученых в город, где сам жил, и все дал бы, чтобы только они могли заниматься без помехи своим делом.

Он хотел, чтобы его султан принимал людей из народа, как отец принимает своих детей, и заботился о них, чтобы далеко шла слава о добром и строгом правителе, не терпящем произвола и любящем справедливость. Скоро он испытал глубочайшее разочарование. Его султан до поры до времени благосклонно следил, как переписываются исторические хроники, строятся новые здания, устраиваются выставки народных ремесел, исполняются новые музыкальные произведения. Сам султан был талантливым поэтом и понимал в искусствах, но он еще знал, что на этом он не удержит власти. И тогда кончился Навои-визирь.

Но поэт Навои заговорил с новой энергией. Если бы силой волшебства перед ним тогда предстал узбек сегодняшнего дня, Герой Социалистического Труда, они бы поняли друг друга, — не потому, что Навои так легко проникся бы истинами нашей эпохи, — нет, они бы поняли друг друга по страсти к свершению героических дел, по силе внутреннего огня, по вдохновению трудового подвига, вдохновению, не знающему границ.

Навои любил труд. В поэтическом деле он трудился на всех поприщах. Сорок семь тысяч строк входят в сборник «Чардивана», пятьдесят три тысячи строк — в «Хамсу» («Пятерицу»). Все формы стиха, все виды стихотворных произведений обнимал он всеохватностью своего творческого дара.

Все это посвящалось человеку.

Высоким званьем «человек» достоин
зваться тот,
Кто о народе никогда не ослаблял
забот.

Вот почему, начиная величайший свой труд — «Пятерицу», он искал даже в самых аллегорических, самых фантастических образах воплощения своей потаенной мечты — человечности в ее высшем выражении.

Задолго до Шекспира поднял он человеческие страсти на такую поэтическую сцену, что они до сих пор заставляют трепетать человеческие сердца. Эти страсти — высочайшего накала, где храбрость воина соревнуется с верностью к любимой, а справедливость торжествует даже в смерти. Любовь живет не как в рыцарском романе, условно и жеманно, а в таком стремительном, безудержном движении, что захваченные ею погибают, не отступая, потому что они не могут, даже если бы захотели, отступить.

Если бы они отступили, они не стоили бы, чтобы о них писал Навои. Слишком много он видел в жизни картин человеческого падения, вероломства, эгоизма, слабости духа, чтобы не понимать, что речь идет только о преодолении границ времени, о временах будущих, когда будут возможны такие характеры, какие, — он верил, — выйдут из народа, когда пройдет век всевластных владык, век угнетения и несправедливости.

Просто удивительно представить Навои среди людей его времени. Провожаемый злобными взглядами завистников, ненавистью родовой знати, насмешками поэтов, не прощающих «предателю» сладкой персидской поэзии, променявшему эту сладость на звуки родного языка, окруженный подозрительным вниманием султана Хусейна, превратившегося в дряблый мешок костей, валяющийся по коврам с наложницами, среди интриг гарема и министров, — проходил Навои сквозь строй жизни, видя впереди только надвигающуюся катастрофу, которая должна была под развалинами государства похоронить и его несбывшиеся надежды.

И тогда герои его поэм были той вестью о нем самом, которую он посылал в будущее. Он взял этих героев из прошлого, из древних преданий, не раз вдохновлявших поэтов. Но

...преданья эти — плод седых веков,
О них писали Низами, Хосров.
Основой взяв, я перестроил их,
Я жизни больше влил в героев их.

И это была правда. Их жизненная сила не уступала ни героям Хосрова, ни героям Низами. На поединке великих он был великим. И была огромная разница, огромная новизна в том, что он писал о Фархаде и Ширин, Лейли и Меджнуне, Диларам и Бахраме, Искендере и его окружающих.

Он ломал рамки времени, и его трудно было понимать и такому хитрецу-ханже, как Хаджи Ахрар, который высасывал кровь из своих крестьян, притворяясь благодетелем бедных, и такому грубому сатрапу, как Медж-ад-Дин, который не понимал, к чему строить здания общественного пользования с таким упорством, как это делал Навои.

А сам Навои разве не помнил страшный конец покровителя наук, человека, ушедшего в мир небес, в мир астрономии, знавшего звезды на небе лучше, чем людей на земле, конец философа, забывшего про жестокую, беспощадную борьбу за существование, — неповторимого Улугбека, сына Шахруха, внука великого Тимура.

Мог ли он — Навои — уклониться от этой жизни сановника, полной превратностей и разочарований! Уже давно миновали те времена, когда он мог влиять и на султана и, влияя, думать, что он улучшает жизнь народа, облегчает его страдания. Эти сны далекого прошлого миновали, как первые поэтические опыты, несовершенные, но искренние. Теперь можно только спастись бегством. Куда? Все равно куда. В даль земных пространств. В Мекку, в священное путешествие к святым местам полного одиночества. Не в ту реальную Мекку, в которую он не верил. Он не был безбожником, как не был мятежником или воинствующим вольнодумцем. Он верил в бога и его пророка, но считал, что бог не может стоять на пути совершенствования людей, иначе — зачем бы он дал разум ученым и позволил существовать науке?

Паломничество в Мекку нужно было для последнего утверждения своей свободной личности. Меджнун хотел удалиться в пустыню, чтобы там говорить наедине со своей Лейли, мечтой жизни, скользнувшей перед ним влекущим, заманчивым видением. Но султан Хусейн был земной, старый, угнетенный всеми пороками человек. Он должен был итти походом на старости лет против собственных сыновей. В лагере под Мары получил он через придворного врача Абд-ал-Хая просьбу Навои о разрешении путешествия в Мекку. Хусейн, вероятно, усмехнулся кривой усмешкой, читая эту просьбу. Он отказал и просил передать, что ехать небезопасно — могут убить в дороге, потому что в обоих Ираках междоусобица. Навои понял, что если он отправится, то его действительно убьют, и не повстанцы Ирака, а собственные слуги Хусейна. Он знал султана слишком хорошо.

Но можно было изобрести пустыню, не отправляясь в Мекку. Он собрал своих ученых, сеидов, казиев и открыл им свое решение — навсегда удалиться от двора, вообще от светской жизни, стать отшельником, погрузиться в блаженство духовной жизни. Но было уже поздно. Смерть караулила его на дороге.

Султан искренне оплакивал его, потому что он любил его стихи, но не мог понять, что нужно было их создателю от него — султана Хусейна, так «дружески» следившего за своим визирем.

И сегодня Алишер Навои родился вновь — среди освобожденного родного народа, который больше не знает султанов, угнетения, нищеты. Сегодня снова звучат стихи великого поэта среди шума новой жизни, где творческий труд, о котором так мечтал Навои, претворен в исполинские дела, и земля покрыта не развалинами, поросшими травой, а цветущими городами и колхозами.

Весна нового строительства идет по берегам великих рек, по перевалам гор, наполненных гулом трудовых будней, по полям и лугам, через новые плотины и каналы, несущие быструю вешнюю воду во все концы Узбекистана, и в большом красивом зале театра имени Навои навстречу зеленой весне звенят, как горные ручьи, стихи великого поэта, принесшие из далеких веков живые струи искрящегося вдохновения — источник глубокой человеческой радости и вечной творческой энергии!

НАВСТРЕЧУ ПРАЗДНИКУ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Из Ленинграда отправлены на самолете в Ташкент 200 экземпляров напечатанного на староузбекском языке философского труда Алишера Навои «Возлюбленная сердец». Как известно, это последнее произведение великого узбекского поэта, созданное в 1500 году, дошло до нас в десяти списках. Ленинградский ученый А. Н. Кононов к 500-летию со дня рождения Навои закончил работу над сводным текстом поэмы, изданным сейчас ленинградским отделением издательства Академии наук СССР. Высланная самолетом книга предназначена для участников юбилейных торжеств в Ташкенте.

КИЕВ. (Наш корр.). Из Киева в Узбекистан на празднование 500-летия со дня рождения великого узбекского поэта-гуманиста Алишера Навои выехала делегация писателей в составе П. Усенко, Н. Терещенко, Н. Ушакова. Делегация повезла в подарок экземпляры изданной на Украине выдающейся поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» в переводе поэта М. Бажана.

В Казани на татарском языке вышла поэма Алишера Навои «Фархад и Ширин» в переводе А. Исхакова. Книга иллюстрирована рисунками художника Л. Фаттахова. На снимке: иллюстрации из книги.

Ташкент в эти дни

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Ташкент стоит в великолепном убранстве мая: густые навесы лип над улицами, высокие, прямые, как свечи, пирамидальные тополя и зеленые барьеры тротуаров украшают город. Всеобщее предпраздничное оживление. Ташкент принимает гостей. Приезжают писатели, ученые, артисты России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Среднеазиатских, Закавказских и Прибалтийских республик, гости из стран новой демократии, гости Афганистана, Индии, Ирана.

У всех советских посланцев томики Навои, изданные на языке того народа, который представляет гость. Это не пышные и редкостные рукописи времен тимуридов, а простые печатные книги без претензий на роскошь, но изданные многотысячными тиражами. И, глядя на эти огромные тиражи, будто видишь Навои в гостях у рыбаков Балтики, у крестьян Полесья, в домах донецких шахтеров или тульских оружейников.

Но нет на земле людей, которым поэзия Навои была бы ближе и дороже, чем узбекам — народу, сыном которого был этот поэт и философ, основоположник родной узбекской литературы.

Где-то далеко-далеко за рубежами Советского Союза несут гарнизонную службу в оккупационных войсках узбекские воины-гвардейцы: майор Ахмед Мамаджанов и сержанты Джабаров и Кадыров. От них пришло недавно в Ташкент письмо, адресованное Союзу советских писателей Узбекистана:

«Дорогие друзья! Мы прочитали в «Литературной газете», что правительство Узбекской ССР постановило считать 15 мая 1948 года днем празднования пятисотлетия со дня рождения Алишера Навои. Мы просим вас прислать нам материалы о жизни и деятельности поэта, чтобы и нам на чужбине отметить славный юбилей нашего великого земляка».

Народная любовь к Навои всегда оставалась неизменно широкой и ровной, и в наше время родятся тысячи новых стихотворных и песенных вариаций его поэм. Мы слышим эти вариации в современных стихах старейших народных поэтов Узбекистана — Сааки, Саифи, Камали, Хакири, в музыке старого ташкентского уличного музыканта Шаумарова, сын которого четверть века назад был первым постановщиком музыкальной драмы «Фархад и Ширин», написанной на слова Навои по народным мелодиям.

Народ, чтя память поэта, присвоил его имя десяткам колхозов, театрам, университетам, библиотекам — многому из того, что создано в светлую послеоктябрьскую эпоху; имя Фархада носят тысячи молодых узбеков.

* * *

Ни один музей мира не обладает таким собранием рукописных изданий основоположника узбекской литературы, каким владеет Ташкентский институт по изучению восточных рукописей Академии наук Узбекистана.

Впервые попав в прохладу маленьких зал института, вы невольно чувствуете себя пилигримом, совершающим путешествие в глубину многовековой истории. Среди четырнадцати тысяч томов, включающих сто тысяч произведений по всем отраслям знаний средневекового Востока и изданных на персидском, арабском и тюркских языках, хранятся, как самые дорогие реликвии, уникальные рукописи Алишера Навои и первоиздания его поэм.

Старый русский профессор-востоковед Александр Александрович Семенов и человек примерно его же лет, известный библиограф мусульманской литературы Абдулла Насыров снимают с полок изумительные по красоте древние книги Навои. Но даже взяв их в руки, вглядевшись пристально в ажурный текст и обрамляющий его тончайший орнамент, вы еще не можете познать всех тайн непревзойденного искусства средневековых мастеров Востока.

Представьте себе книгу немногим больше среднего формата. Это «Собрание стихотворений детства» Навои, переписанное еще при жизни поэта в 1492—1493 годах «царем каллиграфов» Султаном-Али-ал-Мешхеди. Книга считается шедевром гератского каллиграфического искусства XV столетия. Ее страницы сделаны из шелковых очесов и волокон конопли. Они покрыты тонким слоем жидкой клейкой массы пшеничной муки, доведенной до кипения. После просушки в тени каждую страницу лощили агатовым «зубом» или особой раковиной, и бумага приобретала тот тусклый блеск, который она сохранила до наших дней. Рукописный текст книги врезан в широкие поля, разукрашенные причудливым восточным рисунком, исполненным ляпис-лазурью, киноварью и жидким червонным золотом.

Последним в числе многочисленных «издателей» рукописной книги был переплетчик. Он одевал ее в тонкую кожу и, положив на семисплавную металлическую доску, ударял по ней молотком, оттиснув на коже орнамент металла.

Но эти роскошные рукописные издания талантливых произведений Навои служили лишь украшением чертогов восточных царей. Они и тогда, много веков назад, были такой же редкостью, как и сейчас, когда их охраняет музейная тишина.

Б. КРИНИЦКИЙ.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

На русском языке вышла в научно-популярной серии (издательство Академии наук СССР) книга проф. Е. Бертельса «Навои» (опыт творческой биографии).

Гослитиздат выпустил две книги. Первая — «Лирика» под редакцией Е. Бертельса и Л. Пеньковского. Эта книга является первым сборником лирических стихов поэта на русском языке. В ней помещены 155 стихотворений. Вторая — пять поэм: «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет» и «Вал Искендера». Эта книга впервые на русском языке дает в несколько сокращенном виде все части «Пятерицы». Переводы сделаны М. Тарловским, С. Липкиным, Л. Пеньковским и В. Державиным. Редакция А. Дейча и Л. Пеньковского. Книгу иллюстрировал худ. В. Кайдалов.

В издательстве «Советский писатель» в серии «Библиотека поэта» выходит под редакцией А. Дейча и Л. Пеньковского том избранных поэтических произведений поэта (лирика и поэмы).

В «Детгизе» вышли две поэмы — «Фархад и Ширин» в переводе Л. Пеньковского и «Лейли и Меджнун» в переводе С. Липкина.

Научный сотрудник Института восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР М. Абдурахманов изучает списки поэм Навои, относящиеся к XV веку.
Фото М. АЛЬПЕРТА.

В. ЗАХИДОВ,
член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР

ВЕЛИКИЙ ПРАВДОЛЮБ

Жесток и мрачен был XV век — эпоха, в которую творил Навои. Народ бедствовал под игом бесчинствующих владык. Огромные феодально-клерикальные и чиновничьи земельные владения обрабатывались руками крестьян, превращенных в бесправных, нищих рабов. Непосильные налоги лишали народ всего, что он добывал своим трудом. Тяжким бременем ложились на его плечи непрерывные войны и междоусобицы феодалов.

Феодалы не только грабили, но и духовно угнетали народ, держа его в плену бескультурья и фанатизма. Для простых людей все дороги к науке, к просвещению были закрыты. Даже родной язык народа был в загоне, писать на узбекском языке считалось позором. Сама наука, ее деятели, их прогрессивные дела и взгляды жестоко преследовались. Так, знаменитый ученый Улугбек был убит, деятельность его астрономической школы и обсерватории прекращена. Поэта Хусейна зверски пытали, а затем и казнили за стихи, противоречившие некоторым теоретическим основам религии ислама.

В эту мрачную эпоху трудно было поднять голос протеста против гнета и разорения. Такой подвиг совершил Алишер Навои, великий правдолюб.

Низамаддин Алишер, подписывавший свои стихи «Навои», что значит «мелодичный», родился в Герате 9 февраля 1441 года* и умер 3 января 1501 года.

Навои выступил как прогрессивный государственный деятель и многое сделал для предотвращения губительных междоусобиц, для под'ема благосостояния страны и народа, для развития культуры. Он построил около 370 различных общественных зданий — учебных заведений, больниц, бань и т. д. Он организовал и направлял научно-литературную жизнь, покровительствовал деятелям науки и искусства.

Но главная заслуга его в том, что он создал свои бессмертные творения, вложив в них живую душу мыслителя-гуманиста. Стремясь помочь трудовому народу приобщиться к культуре, он писал не на персидском — придворном — языке, а на родном, узбекском, призывая к этому и других. В упорной борьбе Навои отстаивал жизненные права родного языка: теоретически и на практике он раскрыл все его богатства и доказал, что на этом языке можно создать любые литературные и научные произведения.

Бескорыстное и верное служение народу, родине, прогрессу — высший идеал Навои, лейтмотив его творчества. В то время как разнузданная феодальная знать втоптала в грязь достоинство и честь людей из народа, великий поэт утверждал, что назначение всего сущего есть неизменное служение интересам человека. В то время как в феодальном обществе проповедывалась идея тленности мира, Навои учил, что природа содержит в себе все возможности для счастья человека и что надо любить все, связанное с этим счастьем, — природу, реальную жизнь, прекрасное в ней. Надо раскрыть богатства природы и поставить их на службу людям, а это могут сделать лишь наука и светлый разум.

С этим связано и отношение Навои к труду. Он подчеркивал облагораживающую роль труда, его исключительное значение в жизни человека. Он воспевал труд, красочно рисуя эпизоды созидательной, общественно-полезной работы. Он предупреждал, что тех, кто сам не трудится, непременно постигает несчастье. Все симпатии Навои — на стороне людей, занимающихся общественно-полезным трудом. Он писал о крестьянах:

Благоустройство мира — от них,
Радость людей — от них.
Удивителен их труд,
Дающий стране силу и счастье!

В то же время он с сарказмом бичевал тунеядцев, живущих, веселящихся и богатеющих за счет людей труда, за счет народа. Он смело критиковал грабивших народ правителей, чиновников, духовенство.

«Все они — скорпионы, приносящие вред народу», — бросал он в лицо царям и придворным. О духовенстве, о шейхах, одурманивавших сознание народа, писал:

«...Шейхи перебирают четки и совершают длинные намазы лишь для того, чтобы люди видели это. Все, что они произносят, есть обман, все их действия преследуют корыстные цели. Их движения, выдаваемые за богослужение, их святость — искусственны, все, что они говорят, — вымышлено... Они так ловко правят своей паствой, так хитро обманывают и грабят, что самые ловкие в обмане дьяволы могли бы завидовать им и брать с них пример».

Так же резко великий поэт клеймил реакционную военщину, занимавшуюся захватом и разорением чужих стран: «Это — страшные существа; они — хуже смерти, ибо всегда занимаются злодеянием... Их занятие — грабить все, что удастся награбить, и, подобно саранче, все уничтожать. Между ними и человечностью ничего общего нет... Они самые подлые животные, звери... Их желудки никогда не насытятся награбленным; они живут лишь для того, чтобы сеять смерть, горе».

Навои мечтал о сотрудничестве и дружбе народов и никогда не стремился противопоставить один народ другому. Каждый смертный, независимо от того, к какой народности он относится, на каком языке говорит и в какой части света живет, любим Навои, если он — человек и обладает добрыми, истинно человеческими качествами. Фархад и Ширин, Шапур, Искендер, Лейли и многие другие любимые герои Навои принадлежат к различным народам.

Фархад страстной, не знающей преград любовью влюбляется в армянку Ширин, в ее народ, ее страну. Когда в эту страну вторглись полчища иранского захватчика Хосрова, Фархад сражается против них. И армянка Ширин не мыслит себе жизни без Фархада. Когда его заточили в крепость, Ширин обращается к нему с письмом:

О, если бы судьба, чье ремесло —
Творить насилье, сеять в мире зло,
Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!
Была б тебе я спутница и друг...

Чужестранец Шапур после первой же встречи с Фархадом чувствует к нему глубокую, подлинно человеческую дружбу. Это же чувство питает он к армянке Ширин и ее народу и целиком посвящает себя служению им. Он претерпевает тяжкие страдания и муки, но стойко переносит их, понимая служение друзьям, как неизменный закон человечности. И Фархад, умирая, говорит своему другу Шапуру:

...Преподал миру дружбы ты урок.
Свою ты кровь глотал, со мной дружа,
Отрады не видал, со мной дружа.
Со мной дружа, каких не пролил слез,
Каких печалей ты не перенес!
Но в дружестве—других условий нет,
И да не будет до скончанья лет!

С прозорливостью мудреца Навои восторженно отзывался и о русских, которым спустя пять столетий суждено было спасти его народ от гибели. Говоря о русских, отправляющихся в поход в числе войск Искендера (созданный поэтом образ идеального шаха), он писал: «Все они в быстроте и гневе—как белый конь небосвода (т. е. солнце. — В. З.). Каждый из них—счастье для хороших, а для мерзавцев, для противников—горе».

Понятно, однако, что идея дружбы народов у Навои, несмотря на столь замечательные черты, носила общий характер, была отвлеченной. Он мечтал о таком обществе, в котором народ будет счастлив и свободен от гнета и нищеты. Но об'ективные законы развития общества были ему неведомы, истинных путей борьбы с социальным злом он не знал и не мог знать. Того же феодального правителя, казалось ему, можно добрым словом, моральным воздействием превратить в гуманного. Он идеалистически, наивно верил, что если во главе государства поставить умного и благородного царя, окруженного учеными и мудрецами,—все будет хорошо и с социальной несправедливостью будет покончено.

Мечты Навои об улучшении общества не шли дальше области теории, были утопическими, и то общество, улучшать которое он старался, оставалось в существе неизменным.

При всей исторически обусловленной ограниченности взглядов Алишер Навои был гениальным мыслителем, высоко поднявшимся над господствующими идеями своего века. Главным в его творчестве было страстное стремление к справедливости, мечты о счастье народа.

Навои на протяжении нескольких веков продолжал оказывать благотворное влияние на развитие литературы и общественной мысли многих народов Востока, заслужив их признательность и любовь. Великий азербайджанский писатель и революционный демократ Ахундов считал Навои самым лучшим и самым благородным из всех лучших и благородных людей его эпохи. Основоположник казахской литературы Абай, обращаясь к памяти Навои, говорил: спасибо, великий Навои, ты мне помог.

Наследие Навои поистине колоссально, его поэтические творения — бессмертны. В советской стране, благодаря ленинско-сталинской национальной политике нашей партии, лучшее из творчества великого поэта стало достоянием трудящихся всех национальностей; оно обогащает социалистическую культуру братских народов Союза, укрепляет между ними узы дружбы.

* Юбилейные празднества, посвященные 500-летию со дня рождения, были отложены в связи с войной.

Е. БЕРТЕЛЬС,
член-корреспондент Академии наук Союза ССР

В ореоле бессмертия

Когда тридцать лет назад я впервые приступил к изучению староузбекского языка, мне почти тотчас же пришлось познакомиться и с произведениями Навои. Среди рукописей Азиатского музея Академии наук мне попалась поэма «Язык птиц», замысел которой сложился у великого поэта еще в детские годы, но которая была завершена им лишь на склоне дней, за год с небольшим до кончины. Поэме этой востоковеды особого внимания не уделяли, считая, что она всего-навсего—перевод на староузбекский язык поэмы персидского поэта Феридаддина Аттара, известной под названием «Разговор птиц». С поэмой Аттара я был знаком хорошо, и мне захотелось выяснить, как справился Навои с переводом.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что поэма Навои никак не может считаться переводом, что если она и имеет точки соприкосновения с поэмой Аттара, то все же вполне оригинальна. Более того, по основному тону своему она резко отлична от всего творчества Аттара. Персидская поэма пропитана духом мрачной таинственной мистики, она сурово осуждает все радости «бренного» мира. От поэмы Навои веет глубокой, искренней любовью к человеку, сочувствием к его горестям и страданиям, желанием эти страдания облегчить.

Классическая поэзия Ближнего и Среднего Востока в большей своей части — характерный продукт феодального строя. Типичная для нее черта — отсутствие выраженной индивидуальности поэта. Берется небольшое количество тем и создаются бесконечные вариации на них. Когда просматриваешь сборники газелей даже довольно крупных авторов, начинает казаться, что читаешь все время одно и то же стихотворение, у которого только меняются метр и рифма.

Уже при первом знакомстве с творчеством Навои мне бросилось в глаза, что оно составляет исключение из этого правила. Оно обладает резко выраженной индивидуальностью, за плавными строками стихов чувствуется сильная, своеобразная личность. Даже не зная биографии Навои, только знакомясь с его поэмами и лирикой, можно сразу почувствовать, что создать эти произведения способен был человек, обладавший каким-то исключительным обаянием. Произведения эти полны особой мягкости, сочетания мудрости с нежным и тонким юмором, умением снисходительно относиться к человеческим слабостям и непримиримой ненавистью ко всем тем, кто в той или иной мере отравляет жизнь человеку.

И если, изучая творчество многих других поэтов, поражаешься совершенству формы, отточенности мыслей, остроте конфликтов, то, читая Навои, начинаешь забывать, что все эти качества есть и у него, и, прежде всего, начинаешь любить прекрасного человека, чистая душа которого светится в звучных строках. Эта любовь двигала моим пером, когда двадцать лет назад я писал свою работу «Навои и Аттар». Я писал ее, не рассчитывая где-либо опубликовать, ибо располагал лишь самыми общими сведениями о жизни Навои и его эпохе. Изучение источников пришло позднее. И вот изучение их показало, что чувства, которые во мне пробуждали его произведения, он, видимо, вызывал и у своих современников. Этот поразительно скромный, тихий, полный достоинства человек стал в Герате XV века средоточием всего талантливого и передового на Ближнем и Среднем Востоке. Тут были и почтенные старые историки, и юные гениальные художники, музыканты и певцы, мастера-каменщики и гончары. Источники раскрывают нам поразительную черту: все эти люди собирались к Навои не только потому, что от него можно было получить щедрый дар,—нет, многим из них дороже всякого дара было его слово совета, ободрения и поддержки, его указания на недостатки, которые нужно исправить.

Навои в своих произведениях о себе говорит очень мало. Его исключительная, почти болезненная скромность препятствовала этому. Он обронил лишь кое-где случайные замечания. Но и из них мы видим, что ворота его дома чуть ли не круглые сутки были открыты для всех, кто хотел обратиться к нему за помощью. Прекрасные творения его писались урывками, поздней ночью, при тусклом огне светильника. Народ валил весь день, и временами Навои с отчаянием замечал, что справиться с этим потоком не может, что ему «и в затылке почесать некогда».

Не надо, конечно, представлять себе Навои демократом в нашем понимании этого слова. Ни о каком ниспровержении феодализма он не мечтал, да мечтать и не мог. Но, будучи представителем правящей верхушки, располагая богатством, а одно время исключительным могуществом, Навои не закрывал глаза на недостатки господствовавшего строя. Он ощущал их мучительно, горячо, он ломал себе голову над тем, как их устранить. И его ли вина, что найти решение проблемы в то время и в тех условиях он не мог!

Если современники относились к Навои с совершенно исключительной любовью и уважением, то и поныне имя его среди народов Узбекистана окружено ореолом бессмертия. Широкие массы трудящихся получили возможность беспрепятственно знакомиться с творчеством Навои только после Великой Октябрьской социалистической революции. В дореволюционном Узбекистане процент грамотных был ничтожен, произведения Навои печатались маленьким тиражом, были дороги, доступны лишь очень немногим. С сюжетами поэм Навои массы знакомились преимущественно через передачу народных сказителей; лирика Навои распространялась народными певцами. Эмир и окружавшая его хищная свора, байство, старались всеми мерами присвоить творения Навои, истолковывать их в своих интересах.

И несмотря на эти крайне неблагоприятные условия, имя Навои не переставало быть близким и дорогим изнывавшему под гнетом чудовищной эксплоатации народу. Народ окружил это имя прекрасными легендами, в которых Навои выступает защитником всех обиженных и обездоленных.

Этот ореол образовался вокруг имени Навои не случайно. Ошибаться могут отдельные критики,—оценка народа никогда не бывает неверной. Придворные поэты средневекового Востока лезли из кожи, стремясь доставить популярность своим повелителям, в пышных одах они называли этих кровожадных деспотов святыми и мудрыми, готовы были признать их чуть ли не пророками, но все эти усилия ни к чему не привели. Народные сказители, выражавшие мнение масс, в противоположность придворным поэтам, всегда обличали жестоких правителей и ни на какие уступки не шли.

В массах жила и живет традиция считать Навои защитником трудящихся. Совершенно очевидно, что от современников Навои из уст в уста передавались вести о мудрости и доброте этого великого человека, что традиция эта дожила и до наших дней. И потому-то сейчас, когда узбекский народ, а с ним вместе и вся братская семья народов нашей великой Родины отмечают пятисотлетие со дня рождения Навои, мы можем сказать, что отмечаем память человека, достойного такой чести,— выдающегося поэта, заслужившего любовь и уважение друга человечества.

Наталья СОКОЛОВА

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ЖИВОПИСЕЦ

К 100-летию со дня рождения В. Васнецова

Виктор Васнецов прожил большую жизнь. Он родился 15 мая 1848 года, достиг творческого расцвета в 80—90-х годах XIX века и скончался в 1926 году. В годы своей молодости Васнецов слышал и «нестройный гул хулы» и восторженные отзывы о своих картинах. Но никогда творчество художника не было так высоко и по заслугам оценено, никогда не удостаивалось такой популярности, как в наши дни, хотя именно теперь стали вполне очевидными наряду с прогрессивными и бессмертными сторонами его самобытного таланта и те реакционные черты, которые сковывали его творческую личность, обусловили преждевременный застой в его деятельности.

Так же, как десятки других художников-разночинцев, Васнецов прибыл в Петербург из глухой в те годы провинции и сразу попал в атмосферу напряженной идейной борьбы за новую, демократическую школу живописи. В Академию художеств Васнецов явился с несколькими рублями в кармане, но с богатейшим запасом впечатлений, воспринятых в народной среде, с глубочайшей верой в высокую гражданскую миссию искусства. В Петербурге юный Васнецов встретился с Крамским и нашел опору в этом замечательном человеке — идейном руководителе поколения художников-реалистов 70—80-х годов. В бурную эпоху 70-х годов, окруженный плеядой богатырей, которые пробивали новые пути искусству, Васнецов на первых порах выступает как жанрист-лирик, вызывающий жалость и сострадание к «бедным людям». Он отлично знал быт «народных низов» и изображал его жизненно и правдиво. Эти качества связывали Васнецова с самой прогрессивной группой художников — с передвижниками, с В. Стасовым — трубадуром новой школы живописи.

В 1880 году Васнецов выступил с картиной «После побоища Игоря Святославича с половцами», которая резко отличалась от его ранних работ и определяла самобытный путь художника в русской реалистической живописи. Картина вызвала острую полемику. «Натуры очень мало, условности слишком много»,—написал В. Стасов, почитатель раннего Васнецова-жанриста.

Новое полотно Васнецова не походило на батальную картину в прямом смысле слова. Трагический финал сражения, «храбрые русичи», павшие за землю русскую, красота подвига во имя Родины — вот настоящая тема Васнецова. Он сознательно отказался от изображения «ужаса и безобразия» битвы (что ставил ему в вину Стасов). Задача художника была значительно глубже, ее отлично поняли Репин и П. Чистяков — «всеобщий педагог» русских художников конца XIX века.

Художник—и в этом отныне была его творческая задача — прислушался к голосу народа, который донес до нас автор «Слова о полку Игореве», и создал по мотивам этого произведения поэтический образ воинов русской земли. В поэтическом народном чувстве героики национальной истории, русского эпоса заключается то новое и бессмертное, что так возвышает в наших глазах автора «Побоища» и «Богатырей».

Реализм, пронизанный романтикой, требовал от художника своеобразных живописных средств. В яркости, чистоте и богатстве «колеров» народного творчества искал он законы своей красочной гаммы.

Возвышенное, яркое изображение Васнецовым русского народа-богатыря, его подвигов находит сердечный отклик у советских людей, особенно в годы Великой Отечественной войны. В понимании национальной истории в свете народных представлений — источник живой традиции, связывающей современное искусство с лучшими произведениями Васнецова. Это дало возможность советскому художнику А. Бубнову при создании исторической картины «Утро на Куликовом поле» опереться на достижения Васнецова в обрисовке мощных народных характеров.

В «Аленушке» (1881 г.) — жемчужине Третьяковской галлереи — Васнецов нашел задушевный, лирический, живописный язык, в этом произведении исчезли черты былой академической условности. Трогательный, чудный образ ребенка, настроение, навеянное обаянием русской природы, придают картине необычайную свежесть и прелесть.

«Мы только тогда внесем свою лепту в сокровищницу всемирного искусства,— утверждал Васнецов, — когда все свои силы устремим на развитие своего, родного искусства и сумеем в своем, истинно национальном отразить вечное, непреходящее». В поисках национального стиля Васнецов в иных своих работах, например в позднейших церковных росписях, отдавал дань «модерну», который исказил не одно дарование на рубеже XIX—XX вв. Но в работе над своими лучшими произведениями он был ревностным пропагандистом народного творчества.

В начале 80-х годов Римский-Корсаков и Васнецов почти одновременно обратились к «Снегурочке». Васнецов по заказу Саввы Мамонтова писал в Абрамцеве декорации к сказке Островского, Римский-Корсаков в тиши Стелёва создавал музыку на ту же тему. Любопытна духовная перекличка двух больших русских художников, которые, работая над образами русской сказки, руководствовались общими эстетическими принципами. Слова Римского-Корсакова, раскрывавшие его творческий метод и настроения, когда он писал «Снегурочку»: «Я прислушивался к голосам народного творчества и природы и брал напетое и подсказанное ими в основу своего творчества»,—могли бы служить в равной мере эпиграфом к эскизам Васнецова.

Васнецов создал «чудную, несравненную картину» (Стасов), созвучную народным образам Островского и музыке Римского-Корсакова. Его декорации, впитавшие мотивы народного творчества и русской природы, определили огромную роль в театре художника-творца, художника-живописца. Они нанесли удар тем убогим, безличным «дежурным» декорациям, которые царили в те годы на театре.

В 1898 году художник закончил «Богатырей», над которыми работал с перерывами четверть века. В этой картине воплотилась мечта всей его жизни. «Богатыри» — могучий образ русского народа, итог жизни художника, его дум о судьбах Родины, о задачах искусства.

«Богатыри» — произведение глубоко национальное: образ воинской мощи освещен духовной красотой человека из народа. Сам художник так раскрыл замысел своей картины: «Богатыри примечают в поле, нет ли где вóрога, не обижают ли где кого».

«Богатырями» В. Васнецов, в сущности, закончил свой творческий путь. Он не смог ответить на призыв новой революционной эпохи, не понял созидательного духа революции 1905 года, которая пронеслась освежающей грозой над Россией и оплодотворила творчество художников, принявших ее и пошедших ей навстречу. Но все же выдающийся русский художник Васнецов сумел отразить многие существенные стороны народной жизни, народного характера — великую мощь своего народа, бессмертную красоту его душевного мира, его беспредельную преданность Родине.

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

Воспитание творческой пытливости

Многие выдающиеся ученые свидетельствуют, что глубоким интересом к той или иной области науки или техники они обязаны прочитанной в раннем детстве научно-популярной книге, научно-фантастической повести. Такие же признания приходится очень часто слышать от стахановцев, инженеров и техников.

Совершенно правильно поэтому, что единственный журнал для рабочей молодежи «Знание — сила» (издаваемый Министерством трудовых резервов) ведется, как научно-популярный журнал. Скажем заранее — ведется, в целом, с умом, с любовью и пониманием дела.

Журнал издается не первый год и имеет свои заслуги в деле распространения научных, технических и политических знаний. Из опубликованных ранее в журнале статей составился выпущенный Детгизом в 1946 году хороший сборник «Рассказы о науке и ее творцах».

Однако редакция не сразу нащупала верную дорогу. «Комсомольская правда» в свое время справедливо отметила, что в первых номерах, в погоне за ложной занимательностью, журнал нередко создавал поверхностные, а иногда и неверные представления об истории науки. Иные авторы впадали в подобострастный, раболепный тон по отношению к сомнительным зарубежным авторитетам, принижая роль русских ученых в истории мировой науки. Не сразу определилась в журнале четкая и ясная линия. Заслуженная критика, правильно воспринятая редакцией, помогла журналу освободиться от этих недостатков, и в 1947 году на страницах «Знание—сила» напечатано немало таких произведений, которые, наверное, не раз будут перепечатываться и переиздаваться. К числу их прежде всего следует отнести превосходное исследование Б. Степанова «Ломоносов и Лавуазье». Статья написана очень живо, воодушевленно и, главное, убедительно. Оперируя рядом интересных исторических документов, автор показывает не только приоритет русского ученого в открытии закона сохранения вещества, но и утверждает, что труды Ломоносова не могли быть неизвестными Лавуазье.

Истории русской техники посвящена интересная повесть В. Шкловского «Лев Сабакин и туляки», построенная на разысканном автором новом документальном материале. Повесть эта еще раз убеждает нас в том, что «история русской техники разнообразнее, удачливее того, что о ней пишут», что она еще «имеет много имен, мало кому известных». Большой художественный и исследовательский труд автора несколько портит, как нам кажется, концовка, в которой писатель напоминает о «Левше» Н. Лескова. Этому широко распространенному рассказу Лескова более всего мы обязаны неправильным представлением о русских самоучках, как о талантливых, но крайне необразованных, невежественных людях.

К сожалению, повествованию о науке и технике журнал уделяет несравненно больше места, чем их творцам, о природе пишет больше, чем о тех, кто ее переделывает. Воспитательное значение журнала, эмоциональная действенность его повысилась бы, если бы рассказы о науке не заслоняли личность творца.

В статье Б. Степанова «Тайна органических молекул» (№ 3, 1948 г.), посвященной великому русскому химику А. М. Бутлерову, двенадцать столбцов текста характеризуют теоретические воззрения химиков до Бутлерова, и только два наспех сообщают о годах учения русского химика и получении им кафедры. Ни одной личной, индивидуальной черточки Бутлерова тут не отмечено.

Как же можно игнорировать биографические моменты в журнале для молодежи, преследующем ведь не только общеобразовательные, но и воспитательные цели?

Разнообразный и обширный материал в журнале посвящен великому сталинскому плану восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны. Лучшие в этом разделе статьи — «Заполярная кочегарка» Н. Шишкина, «Полуостров сокровищ» А. Светова, «Отвоеванная земля» В. Елагина, «Победители тайги» С. Болдырева, как и ряд других, поданы интересно не только авторами, но и редакцией, изобретательность которой в подаче материала вообще кажется неистощимой.

Иллюстрации, рисунки, цветные вкладки, заметки на полях—все это оживляет текст и привлекает юных читателей.

Рассказы о достижениях советской науки и техники тоже страдают недостаточным вниманием к людям, с именами которых связаны эти достижения. Нехорошо, что авторы некоторых статей этого раздела останавливаются на достигнутом, не раскрывая дальнейших перспектив, не указывая новых задач, решение которых, может быть, достанется уже на долю юных читателей. Например, в статье проф. Д. Минова «Советский тепловоз» не указывается, что тепловоз с передачей все же не является полным и лучшим решением проблемы тепловоза.

Журнал, обращенный к юным, пытливым умам, обязан не только удовлетворять их любознательность, но и будить мысль, вовлекать в практическое дело, пользуясь всякой возможностью. Забвением этого неоспоримого положения лишь и можно об'яснить, что, например, статья Н. Беляева «Изобретатель В. Котов» ограничивается пересказом предисловия Менделеева к не увидевшей света брошюре Котова. Между тем так логично и естественно этот рассказ о моделях-аэропланах русского изобретателя закончить указанием на огромное значение, которое имели и имеют авиамодели для развития конструкторской мысли, и на то, как много сделано тут советскими авиамоделистами, в ряды которых может вступить каждый.

Уделяя большое внимание научно-фантастическому жанру, кажется, наиболее любимому молодежью, журнал поместил ряд повестей и рассказов этого рода. Лучшая из них — повесть И. Ефремова «Звездные корабли» и по замыслу и по выполнению. Следует, однако, признать правильным замечание одного из читателей, который по поводу этой повести пишет: «Фантастику надо приблизить к жизни... Повысить коэфициент полезного действия двигателя на 50%—полезнее, чем все атомномежпланетные фантазии».

Нежизненность нашей научной фантастики несомненно является наиболее досадным ее свойством.

Беллетристические повести о профессиях В. Игишева «Мастера идут в лаву», А. Елагиной «Мастер и его ученики» не блещут художественными достоинствами, но представляют, конечно, большой интерес для читателя, стоящего перед выбором профессии. Над этим важнейшим разделом редакции журнала еще предстоит поразмыслить и поработать. В каком направлении должны итти эта работа и размышления подсказывает С. Болдырев. Его «Охотники за микронами» — не беллетристика, а простой рассказ о трудной, увлекательной профессии лекальщика, но написана статья так живо, что может поспорить по доходчивости с художественным произведением.

Мы все знаем, какое огромное значение для юного читателя имеет внешний вид журнала, количество и качество иллюстраций, являющихся для него абсолютно необходимым дополнением к тексту. Поэтому следует сказать, что в трех номерах, вышедших в текущем году, оформление журнала ухудшилось.

Дело в том, что журнал фактически издается не Министерством трудовых резервов, как значится в его подзаголовке, а группой энтузиастов, которая представляет одновременно и редакционный коллектив, и хозяйственную организацию. Собственное издательство министерства никакого отношения к журналу не имеет, да по слабости своих полиграфических средств и не желает иметь.

Журнал не только доказал свою жизнеспособность; он нашел дорогу к своему читателю, полюбился ему, стал другом и советчиком для десятков тысяч пытливых подростков, готовящихся к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь.

Этого не замечают, к сожалению, лишь те, кому следовало бы постоянно следить за этим журналом, помогать ему, заботиться о его росте и совершенствовании.

М. ПРИЛЕЖАЕВА

ТРИ СЕСТРЫ

Из путевых заметок

В это апрельское утро теплый ветер гнал с востока седые облака. Ныряя в них, словно в волнах, солнце пряталось, а между тем в поле, в оврагах, по всей земле шло незримое, дружное таянье снега. В полях обнажились черные комья земли. Грачи раскапывали их толстыми клювами.

— Грач на гнездо не сел, — сказал встречный колхозник, остановившись покурить. — Река погодит недельку трогаться.

Река, действительно, мирно лежала в зимних еще берегах. Я пересекла ее. Снова поле. Овражек, поросший частым кустарником. А дальше на открытой высокой поляне—Дубровская начальная школа.

Пока я отшагивала километры, ветер разнес в небе тучи, и сейчас, вся залитая солнцем, школа дружелюбно смотрела на меня веселыми окнами.

Она стоит здесь, за деревней Дубровка, Владимирской области, немногим меньше полвека, в ней три сестры-учительницы. Я пришла к ним незванной и незнакомой гостьей. Мы легко познакомились.

— Как у вас хорошо! — невольно сказала я, войдя в светлый класс, где из окон глазам открывался простор, купол синего неба, зубцы дальнего леса.

В классе удивительно уютно. В блистательном порядке — белый учительский стол, стопки тетрадей, книжный шкаф. Портреты, карты и солнечные блики на стенах.

— Неужели этим партам пятый десяток лет? Тогда позвольте мне посидеть на одной из них и подумать немного.

Сестры засмеялись:

— Воображайте, пожалуйста!

— Вот теперь я деревенская девочка. Я впервые за партой. Так хорошо быть в вашей школе. Я хочу быть учительницей.

— Ну, знаете ли, — сказала старшая из сестер, Любовь Васильевна, — я ждала, вы нивесть что придумаете. А таких случаев мы, сколько хотите, вам порасскажем.

Любовь Васильевна Преображенская, старшая, работает в школе пятьдесят лет, вторая сестра — сорок лет, младшая — тридцать шесть.

Сестры внешне несходны, но что-то есть общее в них — то ли достоинство, то ли простота и открытость. И что-то еще, пока мне неясное.

Классы. Коридор с желтыми, отмытыми до блеска полами. Две комнаты учительниц. Тот же свет, чистота, в окнах то же синее небо, зимние цветы, масса цветов и еще больше книг.

Я обосновалась прочно в гостях. На столе шипит самовар. У самовара — Любовь Васильевна, старшая. Ей все к лицу — стоит ли она за учительским столиком с задачником в руках или вытирает чайное блюдце.

— Ну, скажите,—обратилась я к ней, стараясь скрыть беспокойство (я до смерти боялась, вдруг в ее милом облике что-нибудь потускнеет), — скажите, вы пятьдесят лет работаете. Вам никогда не хотелось уехать куда-нибудь из деревни... хотя бы в Москву?

— Захотелось однажды. Давно это было. Совсем собралась. Уж и подводу к школе подали. Выхожу на крыльцо, а там бабы. Ребятишки в материнских юбках прячутся. И все в голос — не уезжай! — Постояла я на крылечке и махнула рукой.— Распрягай, дядя Федор! Никуда не поеду. Да так и проучила на одном месте еще сорок лет.

— Школа больно уж хороша! — и гордясь, и словно завидуя самой себе, хозяйке школы, сказала вторая, Елизавета Васильевна. — Совсем как новенькая! Заметили?

Еще бы не заметить! Как любовно ее сберегли эти заботливые, честные руки!

Пел самовар. Любовь Васильевна рассказывала. Она помнит свой приезд в деревню, это было в 1897 году.

Возница внес в школу сундучок и ушел, а шестнадцатилетняя учительница села на сундучок и заплакала. В дороге потеряла новый платок. Было жалко платка. Было страшно. Она не знала, как и чему надо учить детей.

Церковно-приходская школа. Мрачно, темно, длинные парты, великовозрастные ребята, многие ростом выше учительницы, семьдесят человек на одну.

Начались уроки. Часослов, псалтырь. В воскресенье — обязательно церковь, занимательные хрестоматии и скука в глазах детей. Она ужаснулась, поняв эту скуку. Вот тогда чуть и не убежала из деревни. Не отпустили бабы. Учительница осталась, но из школы вышла в крестьянские избы.

Посиделки. Девушки вяжут кружева. Вполне благоприятное занятие с точки зрения законоучителя. На самом же деле это литературный кружок. Читают Тургенева, Некрасова, Салтыкова. А в школе все-таки часослов... Двойная жизнь.

— Тяжело было, — говорит Любовь Васильевна. — Наша учительская молодежь этого горького чувства не знает. Сейчас нет разлада между школьной программой и умом и совестью учителя.

В разговор вступила вторая сестра.

— Вон куда народ ушагал! Поспевай только. Раньше сельская учительница весь ученый багаж из прогимназии в сундучке привезет и хватит на век. А нынче, взялась на селе учительницей быть, — учись сама в университете всю жизнь. Не то обгонят ученики. Совестно как-то!

— Зато по-молодому живем. И постареть позабыли.

Это сказала младшая сестра. Ей шестьдесят лет. Она, действительно, постареть забыла! Впрочем, все три сестры забыли постареть.

Речь зашла об учениках, теперь сестры перебивали друг друга.

Все население окрестных деревень вышло из стен этой школы. Председатели колхозов, бригадиры, передовики сельского хозяйства, сколько врачей, агрономов, учителей — все они свою первую книгу получили из умных, ласковых рук.

На огонек в школьном окне то и дело и теперь кто-нибудь забредет. У иного «ученика» седые виски, иногда грудь в орденах, а он, прежде чем показаться учительнице, по старой привычке одернет пиджак.

И иногда ему придется подождать, пока учительница освободится от срочного дела и выберет время потолковать по душам. Дела много.

Нужно обдумать и подготовить план уроков на следующий день. Да, учительницы работают в школе не одно десятилетие, и за все эти годы ни разу урок не проводился «экспромтом». Оттого-то выпускники Дубровской начальной школы, поступая в семилетку, всегда лучшими выдерживают экзамены.

Вечер. Сестры за книгами. В районе готовится учительская конференция.

Сестры не требуют скидок на возраст. Напротив, педагогические проблемы, спорные вопросы методики, доклады на международные темы, обсуждение новинок художественной литературы — все это разнообразные стороны культурной и политической жизни страны вызывают в учительницах живой и молодой интерес.

Они активные и непременные участницы каждого учительского совещания. До района десять километров. Их надо пройти пешком. Сестры идут.

— Ничего, привыкли. Хочется повидаться с товарищами, новое узнать. Хочется в ногу с жизнью идти.

Они идут в ногу с жизнью, эти старые учительницы. И потому рабочий день в Дубровской школе начинается задолго до того, как в дверь постучится первый ученик, и до поздней ночи в учительских окнах горит огонек.

Посевная, уборочная, сметы расходов, планы строительства — все, что составляет содержание работы и жизни колхоза, учительницам близко, понятно, насущно необходимо. Вместе со своими бывшими учениками они строят новую деревню, и любят ее, и вместе с ними мечтают. Каждая победа колхоза — это по праву и их победа. А победа никогда не приходит сама.

— Трудно?

— Что же о трудностях говорить! — Своя ноша не тянет, — улыбнулась Любовь Васильевна. Сестры согласны.

Невольно возникла ассоциация. Я подошла к книжным полкам. Наверное, здесь есть та книга. Да, вот она. Чехов—«Три сестры».

— Послушайте, — сказала я, — не о вас ли написана пьеса? — И прочитала на первой странице: «...за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость...» «Скорее в Москву...»

Я смутилась:

— Нет, не о вас.

— Батюшки мои! Как же сравнивать! — с изумлением воскликнула самая веселая, младшая. — Может, над ней, бедненькой, как над нашей Любой в первые годы, на каждом уроке надсмотрщик с часословом стоял? Весело, думаете, совесть свою изо дня в день ломать? Постареешь, пожалуй. И о Москве затоскуешь.

— А по-моему, — задумчиво произнесла Любовь Васильевна, — Москву здесь в другом смысле надо понимать. Об умной жизни тосковали три сестры. Дождались? Может, да. Поди, ровесницы нам.

Мы замолчали.

День кончился. В широкие окна смотрел закат. Небо торжественно и величаво пылало во весь горизонт. Розовый отсвет лежал на снегу, в частом кустарнике — он из овражка подбегал близко к школе — красные прутики верб рдели, отражая зарю.

«Нежданно-негаданно, — думала я, — здесь, в деревне Дубровки, Владимирской области, мне пришлось встретиться с «тремя сестрами», с их новой, умной судьбой, о какой мечтал Чехов. Какая большая, серьезная жизнь — на глазах у народа, вместе с народом, целиком для народа!»

Вот откуда это достоинство в сестрах. И вот откуда...

Тут я поняла то пленительное общее, что вначале мне было в сестрах неясно.

Они очень счастливы.

Заразительно настоящее счастье! Хорошо побыть рядом с ним — неудержимо захочешь такого же счастья.

Я уходила из школы. На крылечке долго стояли сестры-учительницы.

В последний раз оглянувшись, я подумала:

— Вот профессия юная и вечная, как жизнь человечества.

ВЛАДИМИР.

Остановить руку палачей!

Прекратить казни греческих антифашистов

Мы видим два фото, два новых факта, два грозных обвинения против душителей греческого народа. Не веришь собственным глазам, глядя на эти снимки: неужели это правда? Неужели мир бессилен остановить эту гнусную кровавую расправу над патриотами прекрасной, гордой Греции?

Кто они, эти зверски умерщвленные люди, над трупами которых с пистолетом в руке наклонилось злобное, тупое лицо убийцы?

Все четверо были обвинены в том, что они сражались за родину, за национальную честь. Все четверо были схвачены, пытаны и застрелены за то, что не подчинились приказам монархо-фашистского правительства.

— Да, не подчинились! — говорим мы, глядя на этот страшный снимок. И чувство великого гнева обжигает наши сердца. Да, не подчинились и не стали на колени перед кровавой, перед лживой кликой предателей, продавших Грецию! Пусть знает равнодушный убийца, что трескучий звук выстрела из пистолета отозвался в ушах миллионов и миллионов друзей свободы и они крепко запомнили облик усердствующего стрелка.

На втором снимке мы видим военных, склонившихся над полевой картой. Эти четыре «стратега» — специалисты по истреблению греческого народа — заняты разработкой плана очередной операции против Демократической армии, действующей в районе Салоник. Двое из них — американцы (в центре), двое по бокам, — греческие фашисты, одетые в мундиры британской армии.

Это узкое, но основанное на «глубоком взаимопонимании» совещание отнюдь не носит случайный характер. Ныне в каждой воинской части монархо-фашистов есть американские военные советники.

Эти два фотодокумента изобличают преступления кровавых палачей греческого народа. Подлости презренных убийц нет оправдания!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ!

Человечество не может, не имеет права молчать, зная, что происходит в Греции. Некогда эта маленькая страна была колыбелью человеческой культуры. Ныне она превратилась в гигантскую камеру пыток, в плаху, на которой не просыхает кровь.

Греческие монархо-фашисты рубят головы людям, единственная «вина» которых заключается лишь в том, что они в годы войны дрались с немецкими фашистами—тогдашними хозяевами современных греческих правителей. Эти головы, насаженные на пики греческими фашистами, со скорбью смотрят своими мертвыми глазами на мир, оказавшийся бессильным спасти их.

Люди, заключенные в тюрьмы, голодают. По неделям не исчезает из тюремных окон черный флаг, знак того, что доведенные до отчаяния люди обрекли себя на голодную смерть.

С каждым днем кровавый террор против греческих демократов усиливается. 4 мая, на рассвете, в афинском предместье Гуди было расстреляно 25 человек, приговоренных к смертной казни за участие в декабрьских событиях 1944 года. В тот же день греческий министр безопасности Рентис отдал приказ о казни еще 115 борцов за освобождение Греции.

Тревожные зловещие слухи ползут из Греции. Агентство Рейтер передало из Афин, что там уже предрешена казнь тысячи демократов. 25 из них уже мертвы. О новых казнях и пытках сообщают французские, английские и иные газеты.

10 мая в Волосе были расстреляны 15 коммунистов по подозрению в содействии партизанам.

Заключенных пытают. От них добиваются заведомо ложных, нужных афинским палачам «признаний». Топор палача занесен над тысячами голов.

На-днях группа приговоренных к смерти греческих патриотов, томящихся в афинской тюрьме Аверов, обратилась в местную Лигу борьбы за демократию с письмом. В нем говорится:

«Афинское правительство вновь начало массовые казни бойцов сопротивления, которые доблестно сражались во время войны на стороне союзников. Прошло уже 3 года с тех пор, как мы были приговорены к смерти пристрастными судьями по обвинению в том, что мы казнили фашистских захватчиков и греческих квислингов. Мы надеялись, что нас пощадят. Однако за последние несколько недель было казнено несколько сот человек. Мы обращаемся к цивилизованному человечеству с просьбой вмешаться и положить конец этим массовым преступлениям».

Цивилизованное человечество обязано услышать этот призыв людей, обреченных на смерть. Стерев с лица земли немецко-фашистских главарей, оно не может, не имеет права не замечать гнусных деяний их афинских последышей.

К совести современной цивилизации взывали некогда абиссинцы, расстреливаемые итальянскими фашистами. К ней несутся призывы о помощи испанских и индонезийских демократов. Неужели же ныне человечество будет равнодушно взирать на кровавую баню в Греции?!

Нет, не только тело греческого народа истязает плеть афинских палачей, не только на горло этого народа наброшена удавная петля. Это идеалы свободы и демократии, это вера измученного войной человечества в лучший, послевоенный мир попираются софулисами и цалдарисами. И поэтому — молчать нельзя! Честные люди мира уже подняли свой гневный голос протеста. Французский комитет по оказанию помощи демократической Греции, английские рабочие электрической и автомобильной промышленности, рабочие заводов Форда и Гувера, ланкаширские ткачи и многие другие демократы во всем мире требуют обуздания греческих изуверов.

Мы, советские писатели, присоединяем свои голоса к голосу народа. Не для того человечество смело с лица земли немецкий фашизм, не для того в течение долгих лет лило оно кровью своей землю нашей планеты, чтобы в далекой Греции, под покровительством заокеанских империалистов, расцвел гнусный фашистский заповедник.

Обуздание греческих монархо-фашистов, спасение греческих патриотов от кровавого террора—это дело свободолюбивых людей всего мира, дело их чести, их готовности отстоять идеалы свободы и демократии, завоеванные тяжелой ценой.

П. Антокольский, Н. Асеев, В. Бахметьев, А. Безыменский, П. Вершигора, Н. Вирта, В. Вишневский, Ф. Гладков, Б. Горбатов, А. Жаров, Э. Казакевич, А. Караваева, В. Катаев, С. Кирсанов, А. Крон, В. Лебедев-Кумач, Л. Леонов, С. Маршак, П. Павленко, Ф. Панферов, М. Пришвин, Б. Ромашов, А. Софронов, И. Сельвинский, А. Серафимович, К. Симонов, Л. Соболев, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Фадеев, К. Федин, А. Чаковский, И. Эренбург.

13 мая 1948 года.

С. КАФТАНОВ,
министр высшего образования СССР

За процветание передовой науки!

К 10-летию речи товарища СТАЛИНА на приеме работников высшей школы

Прошло десять лет с тех пор, как в московском Доме ученых состоялось первое всесоюзное совещание работников высшей школы. Более тысячи академиков, профессоров, руководителей вузов и лучших студентов страны собралось тогда, чтобы подвести итоги развития высшего образования в нашей стране и наметить пути дальнейшего улучшения подготовки научных кадров, кадров специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

На четвертый день совещания, когда вечернее заседание уже заканчивалось, меня вызвали к телефону. Говорил Вячеслав Михайлович Молотов. Он передал, что товарищ Сталин приглашает 17 мая всех участников совещания на прием в Кремль.

Это извещение вызвало огромный восторг и воодушевление. А когда стало известно, что товарищ Сталин в своем приглашении заботливо подчеркнул, чтобы на прием приходили с женами, все особенно почувствовали теплоту его отношения к работникам науки.

Собравшись к назначенному часу в просторных залах Большого кремлевского дворца, мы с огромным волнением ожидали появления товарища Сталина. Он вошел, окруженный своими ближайшими соратниками. С ним были товарищи В. М. Молотов, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и другие.

Прием начался. Когда в своем кратком выступлении я назвал имя товарища Сталина как инициатора первого всесоюзного совещания работников высшей школы, в зале раздались долго не смолкавшие возгласы благодарности и приветствия в честь воспитателя и друга нашей интеллигенции.

Трудно передать радостное возбуждение, с которым было встречено сообщение о том, что слово просит товарищ Сталин. С трудом улеглись волны бурных оваций. В наступившей, наконец, тишине мы выслушали историческую речь о науке.

«За процветание науки, — говорил товарищ Сталин, — той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой...»

На протяжении десятилетия, прошедшего со дня произнесения этой исторической речи, деятельность высшей школы и всех научных учреждений страны направлялась его указаниями о том, какой должна быть советская передовая наука.

За эти годы армия ученых выросла с 60 тысяч до 100 тысяч человек. Более 25 тысяч молодых работников науки получили кандидатскую степень, более 5 тысяч защитили докторские диссертации, стольким же было присуждены ученые звания профессоров. Были созданы академии наук в союзных республиках — Узбекской, Казахской, Армянской, Азербайджанской, Латвийской, Литовской, Эстонской ССР. Организованы академии медицинских, педагогических, артиллерийских наук, Академия художеств СССР. Открылось более 100 новых высших учебных заведений, в том числе в Средней Азии, на Урале, на Алтае, во Львове, в Кишиневе, в Ужгороде. 750 тысяч инженеров, экономистов, агрономов, врачей, учителей и других специалистов дала высшая школа стране за это время. Количество студентов в этом году превысит цифру, намеченную пятилетним планом на 1950 год.

Таков количественный рост научных кадров, свидетельствующий о подлинном процветании той науки, которая, как говорил товарищ Сталин, «добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны».

Чувствуя повседневное внимание партии и правительства, пользуясь широкой поддержкой и всенародной любовью, советские ученые преисполнены готовности служить своему народу, передать ему все достижения науки.

Преданность советских ученых народу с исключительной силой проявилась в годы Отечественной войны. Своим творческим трудом они внесли неоценимый вклад в дело победы. Они не только создали образцы лучших в мире орудий, танков, боевых самолетов, но и способствовали экономической победе нашей страны, находя новые сырьевые ресурсы, разрабатывая заменители, налаживая выплавку высококачественной стали в обыкновенных мартенах, осваивая скоростное строительство доменных печей, конструируя автоматические станки, изобретая новые приборы высокой точности, открывая новые методы повышения урожайности полей и продуктивности животноводства.

Интересы народа выражены в величественной программе послевоенного восстановления и развития народного хозяйства. Осуществление этой программы невозможно без геологических изысканий, без научно обоснованного районирования, без разработки и освоения новейших методов строительства, организации и технологии производства. Без автоматизации ряда производственных процессов, без механизации некоторых отраслей промышленности немыслимо необходимое резкое повышение производительности труда. Так неуклонный рост технической оснащенности народного хозяйства создает условия для дальнейшего процветания той науки, которая тесно связана с практикой, с потребностями государства, с жизнью народа.

Честное и преданное служение народу — прекрасные черты корифеев русской науки — характерно для наших советских ученых. Освобождаясь от пережитков раболепия и низкопоклонства перед «иностранщиной», мы произвели теперь истинную оценку крупнейшего вклада, который сделали наши отечественные ученые в сокровищницу мировой науки, и ревностно защищаем их бесспорный приоритет в ряде выдающихся открытий и изобретений от клеветнических выпадов и недобросовестных спекуляций враждебно настроенных к нам дельцов буржуазной науки.

Для современного состояния советской науки характерно торжество марксистско-ленинской методологии во всех отраслях знания. Неоценимое значение для всех научно-теоретических кадров имели дискуссия, проведенная Центральным Комитетом партии по книге Г. Александрова «История западноевропейской философии», и выступление на этой дискуссии тов. А. А. Жданова. Научные совещания, конференции и дискуссии по отдельным разделам науки отражают значительный подъем научной жизни, повышение идейных требований к ученым трудам и беспощадную борьбу с пережитками схоластики, формализма и идеализма.

Марксизм-ленинизм — это живое творческое учение, непрестанно развивающееся и обогащающееся на основе нашей повседневной социалистической практики. Задача научных деятелей, в какой бы области знаний они ни работали, — неустанно изучать марксистско-ленинское учение, обогащая его, в свою очередь, достижениями науки.

Говоря о людях науки, которые смело и решительно ломают старые традиции и нормы, когда те превращаются в тормоз для движения вперед, товарищ Сталин напомнил нам о том, что иногда новые пути в науке и технике прокладывают простые люди—практики, новаторы дела. Ежегодное присуждение Сталинских премий показывает, насколько правильно отражали существо явлений эти слова. Среди лауреатов Сталинской премии наряду с маститыми учеными — имена передовых стахановцев, талантливых организаторов производства, новаторов своего дела. Это само по себе знаменательное явление — лишь одно из свидетельств процветания той науки, которая связана с народом, идеи которой глубоко проникли в народные массы.

«Наука, — говорил товарищ Сталин,— знает в своем развитии немало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему... Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя».

Слушая замечательную характеристику Ленина как ученого, каждый из нас думал, что она в полной мере применима и к товарищу Сталину. Подобно Ленину он являл и являет собой «образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки». Непрерывно обогащая марксистско-ленинское учение своими выдающимися трудами, обобщая огромный опыт социалистического строительства в нашей стране и опыт революционной борьбы рабочего класса всего мира, товарищ Сталин уверенно ведет советский народ к достижению великой цели — к коммунизму.

Нет сомнения в том, что наши ученые и специалисты, выпестованные заботами и вниманием партии и правительства, еще выше поднимут знамя передовой науки — той науки, к процветанию которой призывал нас товарищ Сталин. Нет сомнения в том, что деятели советской науки успешно выполнят поставленную в 1946 году товарищем Сталиным задачу — не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны!

Убийц—к суровому ответу!

Я пишу эти строки и думаю: над чьими еще головами в Греции поднят сейчас топор палача, кто из борцов за свободу, мир и демократию считает сейчас последние минуты своей жизни? Чья благородная кровь, кровь мученика за счастье и независимость народа, уже пролилась сейчас на земле его отцов?

Все происходящее в Греции, разгул невиданно-кровавого террора заставляют нас вспоминать страшные картины Майданека, Освенцима, Бабьего яра и других фашистских лагерей смерти. В тех смертоубийственных местах земного ада миллионы людей были брошены гитлеровцами в печи, расстреляны, затравлены собаками — и все это под покровом лжи и тайны, за колючей проволокой, подальше от глаз общества.

Теперь же, через три года после победы над фашистской Германией, в Греции публично, на глазах всего цивилизованного мира казнят тысячи людей! Греческие суды выносят массовые смертные приговоры, греческие власти оповещают о казнях, выражают свое удовлетворение этими беспримерными ужасами.

По сообщению газеты «Элиникон эма», греческий король Павел, совершающий поездку по Пелопоннесу, в речи на приеме, устроенном в его честь в городе Патрасе, заявил: «Враг, находящийся в нашем доме, должен быть истреблен. Никакие чувства человеческой гуманности неуместны. Все мы, и особенно вы, пелопоннесцы, должны помочь армии очистить тыл».

Кого же король называет врагом? Кого надо истребить? Врагами, подлежащими истреблению, оказываются люди, которые во время оккупации Греции боролись с немецко-фашистскими захватчиками и подлыми предателями греческого народа. За последние два года расстреляно по приговорам военно-полевых судов 1.600 патриотов. 10.000 греков умерщвлены фашистскими головорезами.

Для кровожадного монарха врагами являются не те, кто сотрудничал с немцами и предавал свой народ, а те, кто боролся с фашизмом, кто хотел демократической свободы и мира для греческого народа.

Король, суды и печать действуют без маски, как самые отъявленные погромщики. Монархо-фашистских палачей открыто поддерживают все фашисты. Английские министры прошлого века перевернулись бы в гробах своих, если бы услыхали, какие слова может произносить в палате общин один из их преемников в XX веке, мистер Макнейл. По его утверждению, все казненные в Греции «были осуждены судом по всем правилам»... Так мистер Макнейл оправдывает палачей, истребляющих греческих патриотов, которые хотели освободить свою страну от фашистских захватчиков и которых теперь казнят среди бела дня.

Все попытки иностранных корреспондентов и обозревателей честно рассказать человечеству о кровавой резне в Греции подвергаются нападкам, дискредитируются. Всеми без исключения газетами США было перепечатано из «Нью-Йорк геральд трибюн» пространное письмо начальника американской миссии «помощи Греции» мистера Грисуолда. Он не только опровергает все очевидно-кровавые дела греческих палачей всех мастей и рангов, но и заявил: «Все эти меры (т. е. террор) не противоречат американским понятиям о демократии».

Вот какова она, «помощь» иностранных миссий Греции! Вот до каких геркулесовых столпов бесстыдства, жестокости и разложения дошла «мораль» адвокатов неофашизма.

Честные люди всего мира! Вдумайтесь в смысл всех этих кровавых злодеяний! Не допускайте мысли о том, что Греция где-то далеко от вас, что происходящее вас не касается. Нет, греческая резня касается всех, решительно всех! Святая кровь борцов Сопротивления, борцов против фашизма, кровь верных сынов Греции пылает перед нашими глазами, взывает к нам о помощи, требует остановить руку палача.

Фашизм, разгромленный в Германии, хочет возродиться в Греции, завоевать себе плацдарм для наступления, для новой войны. Монархо-фашисты хотят сначала запугать массы террором, а потом обратить их в бесправных рабов фашизма.

Честные люди мира! Требуйте, всеми способами мешайте силам насилия обрушивать топор палача на головы борцов за свободную, независимую Грецию!

Всей силой исторической правоты дела моей великой Родины, Советского Союза, всей силой любви к свободе и миру, которая живет в моей душе, всей властью свободного, гордого человека требую прекращения казней в Греции!

Анна КАРАВАЕВА

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Николай ПОГОДИН

СЛОВА И ДЕЛА

Такие не новые и тем не менее «самоновейшие» по моде и распространенности понятия, как «железный занавес», «война нервов» и «холодная война», не принадлежат советским людям. Этих терминов просто-напросто не найдешь в словаре современного нашего разговорного языка. Они чужды нашему мышлению. И если эти термины появлялись на страницах советской печати, то только взятыми в кавычки, как «чужие слова»...

И надо прямо сказать, что эти чужие слова, отражающие чужие нравы, никак не проникли в народную жизнь и никакой «злобы дня» не составили. Было бы нелепо обратиться к нашему колхознику, рабочему, инженеру с вопросом о том, насколько волнует его, скажем, «холодная война». Может даже оказаться, что за великим множеством горячих дел он и пропустил мимо ушей этот мрачный по содержанию и угрожающий по форме термин. Что делать... Виноват, так сказать, пропустил, не учел, не проникся.

Миллионы советских зрителей восторженно аплодировали, когда легендарный герой гражданской войны Чапаев в знаменитом фильме с железным спокойствием встречал «психическую атаку». Сцена эта взята из жизни, и наша жизнь здесь как раз и выразила свои коренные и типические особенности.

При ближайшем рассмотрении всякая «психическая атака» окажется истерической атакой. Это почти припадок, когда разум затмевается одержимостью.

Если, скажем, херстовская печать впадает в очередной припадок «психической атаки» против Советского Союза, то мы рассматриваем это, как традиционное хулиганство определенной части американской прессы. Иные люди, слывущие в обществе «порядочными», нанимают хулиганов бить у соседей стекла. Херстовские молодцы никогда не скрывали, что они и есть мастера сих дел.

Если, скажем, журналист Липпман, этот «специалист по русским делам», пишет о том, что «мы (?) выбрали (?) Турцию и Грецию не потому, что они особенно нуждаются в помощи, и не потому, что они являются блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза», то мы можем рассматривать эту циническую откровенность, как грубую выходку реакционного журналиста.

Но генерал Омар Брэдли — не Херст и дипломат Джон Фостер Даллес—не Липпман. Когда их слова, высказываемые на общественных собраниях или в сенате, более или менее совпадают с журналистикой дурного и необузданного тона, то волей-неволей приходится согласиться с теми людьми в Америке и Англии, которые давно уже разоблачают «войну нервов».

Нервы, на которые рассчитывается такая «война» или «психическая атака», оказались достаточно крепкими. Трудно вывести из состояния полного душевного и физического равновесия рядового советского человека с его живым историческим опытом. Не было случая в истории советского государства, чтобы его правительство поддалось на вызывающие или замаскированные провокации, которые всегда исходили из одних и тех же кругов. Воля к миру и дружбе между народами никогда не покидала советских людей.

Потому и монолитен советский народ своим морально-политическим единством, что его воля непоколебимо, последовательно, честно выполняется советским правительством.

«Чужие слова», о которых говорилось выше, не могли возыметь эффекта, когда речь идет о советском народе. Не мы авторы этих понятий, и нам не от чего отказываться. Но всякий шаг, всякое слово, направленное к истинному укреплению дела мира и дружбы народов, любой советский человек всегда готов не оставить без внимания и не пропустить мимо ушей, а пойти навстречу всякому искреннему проявлению миролюбия и дружбы.

Так оно и было, когда правительство США через своего посла в Москве г. Смита обратилось с известным сейчас всему миру заявлением к правительству СССР. Наше правительство, выражая, как всегда, волю всего советского народа, в ответном заявлении подчеркнуло свою готовность к практическому урегулированию советско-американских отношений.

И тут произошло нечто, на первый взгляд, весьма невразумительное (во всяком случае для тех, кто не слишком искушен во всех «тонкостях» буржуазной дипломатии). Американские правящие круги, видимо, были очень разочарованы и даже раздосадованы быстрым положительным ответом СССР, вновь доказавшим подлинное миролюбие великой советской державы. Последовавшие затем предупреждения Трумэна и Маршалла о том, что «политика США остается неизменной», производят такое впечатление, будто некоторые политические деятели США считают, что они зашли в своем «миролюбии» слишком далеко. Более или менее оптимистический тон американской печати после нескольких закрытых пресс-конференций в Вашингтоне, словно по команде, изменился весьма резко и воздействует сейчас на читательские массы, как своего рода «холодный душ»!

Военный психоз в США, возникший в результате длительной и упорной кампании, развязанной реакцией, достиг таких масштабов, которые в последнее время поставили в затруднительное положение правящие круги США. В этой обстановке от них потребовались срочные шаги для успокоения общественного мнения.

Такое успокоение появилось-было, когда американцы узнали об обмене заявлениями между послом Б. Смитом и В. М. Молотовым. Однако оно столь же быстро стало рассеиваться в результате того, что руководители американской политики сразу начали бить отбой. Этот новый маневр американских политиков вызвал критику даже на страницах консервативной американской печати. Газета «Вашингтон пост» пишет, что правительство упускает возможность рассмотреть вопросы, поставленные советским правительством, и что «не может быть никакого оправдания отсутствию попыток вести переговоры об урегулировании». Даже «Нью-Йорк геральд трибюн», которая, перестроившись, сейчас настойчиво охлаждает энтузиазм читателей, констатирует, что «Белый дом и государственный департамент не ответили достаточно тепло на принятие Советским Союзом американского предложения».

Что касается советских людей, то у нас, как известно, слово никогда не расходится с делом. В этом смогут еще раз убедиться и соответствующие американские политики, если они действительно захотят со всей искренностью провести свое собственное предложение в жизнь.

Л. ПОМЕРАНЦЕВА,
заслуженная учительница РСФСР

НАША МИРОЛЮБИВАЯ ПОЛИТИКА

Я, старая русская учительница, далека от всех перипетий дипломатических взаимоотношений. Но заявление, сделанное 4 мая послом США в Москве г-ном Смитом, породило у меня мысли, которыми я хотела бы поделиться.

Прежде всего возникает естественный вопрос: выражает ли это заявление действительное желание американского правительства добиться улучшения советско-американских отношений? Или, быть может, оно продиктовано иными соображениями, в частности, желанием американского правительства оправдать себя в глазах мировой общественности и собственного народа? Наконец, не предвыборный ли это попросту маневр?

Обмен заявлениями между правительствами США и СССР мог бы привести к установлению атмосферы взаимопонимания.

Но, очевидно, некоторые круги в Америке не заинтересованы в установлении такой атмосферы.

Г-н Смит об'яснил неудовлетворительность советско-американских отношений «тенденциями советской политики». Это не так. Это явное искажение истины, которое без труда можно опровергнуть всем известными фактами. И я полностью разделяю и поддерживаю заявление нашего министра иностранных дел товарища В. М. Молотова о том, что нынешнее неудовлетворительное состояние советско-американских отношений и напряженность в международном положении являются результатом политики правительства Соединенных Штатов Америки.

Если бы мне предстояло вынести суждение о международной политике какого-нибудь государства и об идеалах, которыми руководствуются его деятели, я могла бы очень многое почерпнуть в этом смысле из знакомства с тем, чему и как обучают в этой стране молодое поколение.

Я не бывала в школах Америки. Но я знакома с этими вопросами по статьям в американских газетах. В номере газеты «Нью-Йорк таймс» от 22 февраля мое внимание привлекли две заметки. В одной из них рассказывается о конференции по вопросам воспитания в средних школах, созванной при Нью-Йоркском университете. Участники конференции высказали справедливые опасения по поводу того, как воспитываются дети в американских школах, в частности по поводу культивируемой в них системы «националистических предубеждений».

Вторая заметка была посвящена преподаванию родного языка в средней школе. Оказывается, этим вопросом занималась специальная конференция, происходившая в Нью-Йорке. На ней были обсуждены материалы четырехлетнего наблюдения над 300 тысячами обучающихся в 112 колледжах. Выяснилось, что большинство выпускников американских средних школ не умеет логически мыслить. Конференция пришла к заключению, что такое положение «создает угрозу для демократии Америки».

Конечно, это так: неграмотный, невежественный, алогически мыслящий человек — плохой поборник демократии. Ему легко привить любую шовинистическую идею, заставить поверить в любые бредни, сделать послушным орудием в руках любых аморальных личностей.

Но, видимо, как раз это и нужно некоторым политическим деятелям США, которые особенно заинтересованы в том, чтобы американский народ не имел точного и верного представления о политике Советского Союза, о настроениях и жизни советского народа. Если судить по американской прессе, это оглупление детей происходит в США не в силу каких-либо случайных причин, а нарочито проводится определенными кругами.

Тратя миллиарды долларов на вооружение, американские реакционеры в то же время яростно сопротивляются ассигнованию средств на школьные нужды. Сенатор Мартин, выступая в сенате против ассигнований на образование, заявил, что они уменьшат финансовую мощь США, необходимую для того, чтобы «сдержать Россию».

А Россия, «сдержать» которую собирается сенатор Мартин, в отличие от США с каждым годом все более уменьшает ассигнования на военные нужды и все более увеличивает ассигнования на школы.

Понятно, что в Советском Союзе обмен заявлениями между правительствами США и СССР был встречен с живым интересом. В этом сказалась также глубокая уверенность широких кругов советского народа в правильности внешней политики своего правительства. Но высказывания американских правительственных деятелей, последовавшие уже после обмена заявлениями между США и СССР, заставляют меня усомниться в искренности заявления, сделанного американским послом г. Смитом.

Акад. А. СПЕРАНСКИЙ

МЫ ОТСТАИВАЕМ ДЕЛО МИРА

В течение последних лет отношение правящих кругов США к Советскому Союзу вызывало у советских граждан, в том числе и у нас, советских ученых, по меньшей мере недоумение. Для нас всегда было ясно, что истинные американские демократы, антифашисты, сторонники подлинного прогресса и дружбы между народами не одобряли и не одобряют проводимой американской реакцией политики надругательства над идеями и принципами Ялты и Потсдама, скрепленными подписями двух президентов США.

Советские люди настроены дружески ко всем свободолюбивым народам мира. Они ценили и ценят дружбу американского народа и не забыли живых проявлений этой дружбы во время войны, свидетельствовавших о том, что миллионы людей в Новом Свете отчетливо сознают, какой огромный вклад в дело победы над фашизмом принадлежит народам СССР.

Исходя из наличия полного взаимопонимания, существующего в нашей стране между правительством и всеми слоями советского общества, наш народ предполагал, что нечто подобное имеет место и в США.

Однако после смерти президента Рузвельта и особенно после победоносного окончания второй мировой войны мы стали решительно в этом сомневаться, хотя американский посол в Москве мистер Смит и заверяет советскую общественность, будто сегодняшняя политика правящих кругов США «пользуется поддержкой большинства американского народа».

Мне кажется, что в этом утверждении содержится, мягко выражаясь, преувеличение, ибо политика разжигания военной истерии, пропаганды новой мировой войны и всяческого ухудшения отношений с Советским Союзом не может пользоваться поддержкой такого трезвого, делового, демократического по своему духу и своим историческим традициям народа, каким является американский народ.

Мне известно, например, что знаменитый ученый, глава американского Национального бюро стандартов Кондон следующим образом высказался о политике нынешних правящих кругов в США: «Печально видеть, что самое мощное и богатое из государств находится во власти истерии и страха, для существования которых нет никаких разумных причин, и что оно не способно разрешить международные проблемы в духе здравого урегулирования».

Стоит подчеркнуть, что господин Кондон произнес эту свою речь на открытом банкете, устроенном в его честь, на котором присутствовало 127 ведущих ученых США, в том числе 9 лауреатов Нобелевской премии и 70 членов Академии наук. Приведенные мною слова Кондона были встречены единодушным одобрением всех присутствовавших. Это обстоятельство заставляет меня еще больше укрепиться в мнении, что внешнеполитический курс американских реакционеров не выражает истинных стремлений и воли американского народа.

После опубликования заявлений правительств США и СССР появились раз'яснения Трумэна и Маршалла, которые утверждают, что никаких предложений об урегулировании отношений между США и СССР в заявлении Смита не содержалось.

Нью-йоркский корреспондент английской газеты «Ньюс кроникл», пытаясь найти об'яснение такому поведению американских дипломатов, пишет, что единственным препятствием к конкретным шагам по урегулированию отношений с СССР со стороны американского правительства является «боязнь потери престижа, а также того, что такой миролюбивый шаг может быть неправильно истолкован в год выборов, как капитуляция перед коммунизмом». Если корреспондент прав, то выходит, что некоторые круги США стали жертвой своей же собственной пропаганды.

Этой политике разжигания военного психоза, проводимой реакционными кругами США, тесно связанными с крупнейшими монополиями, прямо противоположна внешняя политика Советского Союза, который последовательно отстаивает дело мира, не сколачивает военных блоков, не создает военных баз в других странах и не допускает каких-либо угроз в отношении кого бы то ни было.

Именно поэтому советский человек будет готов с удовлетворением отнестись к возможности улучшения американо-советских отношений, а, следовательно, и к обращению правительства США к правительству СССР. Важно только, чтобы за этим обращением действительно стояли не какие-либо политические маневры, а добрая воля, искренние миролюбивые стремления к урегулированию взаимоотношений между двумя странами.

Г. ПЕТРОВ

Продажные братья Масуди

Персидское слово «эттеляат» означает «известия». Так называется одна из иранских газет, имеющая наибольший тираж и являющаяся как бы полуофициозом реакционных кругов Тегерана. Какие же известия преподносит читателям эта газета?

В осенние дни 1941 года оборванные мальчишки-газетчики бегали по тегеранским улицам с «Эттеляат» в руках и истошными голосами кричали: «Прибытие немцев на Кавказ!», «Новые победы Гитлера!..» Страницы газеты пестрели сводками немецкого командования и многочисленными сообщениями из Берлина. Все это давалось в сенсационном, крикливом духе, враждебном Советскому Союзу.

Даже после того как войска союзников вступили в Иран, «Эттеляат» продолжала выступать в защиту немецких фашистов. Так, например, газета напечатала статью, возражавшую против закрытия итальянской и германской миссий в Тегеране. Это было наглое выступление, продиктованное не кем иным, как самим Геббельсом.

Размалевывая яркими красками грабительское нашествие немецких фашистов на мирные европейские города и села, газета «Эттеляат» сразу же снижала тон, когда речь шла о победах войск союзников, в частности, советских армий. В таких случаях появлялись так называемые опечатки, и в телеграфных сообщениях вместо «Красная Армия побеждает» печаталось: «Красная Армия не наступает...»

Ярые фашистские пропагандистские материалы печатались газетой «Эттеляат» на персидском языке, перепевались в газете «Журналь де Тегеран» на французском языке, передавались по тегеранскому радио.

Хозяевами и редакторами упомянутых газет являются небезызвестные в Иране Аббас Масуди и его братья Джавад и Мохамед Али Масуди.

Всякому здравомыслящему иранцу еще тогда было ясно, с чьего голоса поют Аббас Масуди и его братья. Уж слишком схожи были известия «Эттеляат» с известиями Геббельса.

Но вот совсем недавно, в апреле этого года, тегеранская газета «Демократе Иран» опубликовала статью, которая на основании документальных данных выводит на чистую воду матерого фашистского агента, чьей рукой водил Геббельс по страницам «Эттеляат».

Редакция газеты «Демократе Иран» в номере от 13 апреля напечатала текст официального донесения германского посланника в Тегеране Эттеля министерству иностранных дел Германии. В этом донесении, датированном 31 августа 1940 года, говорится буквально следующее:

«Аббас Масуди, редактор здешних официозных газет «Эттеляат» и «Журналь де Тегеран», намерен на два месяца выехать в Германию. Эта поездка заслуживает всяческой поддержки... В течение этих последних недель в той мере, в какой это позволяет здешнее понятие о нейтралитете, между германским посольством и газетой «Эттеляат» установилось очень хорошее сотрудничество.

В течение последних двух месяцев нам удалось обеспечить преобладающее место для статей из германских источников среди повседневных материалов газеты «Эттеляат». Руководитель этой газеты с большой охотой использует для своих передовиц материалы, посылаемые из германского посольства».

В том же письме Эттель сообщает:

«Это развитие событий оказалось возможным особенно в результате желания и воли молодого Масуди, который является фактическим редактором газеты «Эттеляат» и вместе с тем секретарем этой газеты и который придерживается дружеских политических взглядов в отношении Германии.

Учитывая симпатии Масуди в отношении национал-социалистской Германии, будет вполне уместно, если указанному лицу, которое собирается посетить Берлин, Лейпциг и Мюнхен, будет дана возможность как можно больше понаблюдать для того, чтобы использовать это для пропаганды здесь».

Свидетельство более чем красноречивое!

Во время поездки в Германию Аббас Масуди не только «понаблюдал», но и привез с собой типографское оборудование — дар Геббельса за его заслуги перед гитлеровцами. Что касается «впечатлений» от пребывания в фашистской Германии, то они обильным потоком лились со страниц «Эттеляат» в виде панегириков фашистскому режиму и Гитлеру.

Известно, что служба у немецких фашистов является не единственным позорным пятном в политической биографии Аббаса Масуди. В молодости он прошел основательную выучку у махрового предателя иранского народа и иностранного агента Сеид Зия-эд-Дина. Масуди был своего рода служкой в редакции бульварной газетенки, которую издавал Сеид Зия. Опытного дельца привлекала как восточная миловидность этого юноши, так и политический нюх, способность быстро собирать сплетни, строчить доносы, шантажировать, вымогать.

Аббас Масуди вскоре бросил торговлю в мясной лавке отца, стал владельцем небольшой газеты и начал приобщаться к политическим интригам и сделкам, чему мог вдоволь поучиться у своего патрона.

Через несколько лет Аббас Масуди становится придворным лизоблюдом Реза-шаха. Безудержные дифирамбы по адресу диктаторской династии Пехлеви обратили внимание Реза-шаха, который сделал Масуди придворным журналистом, а затем и депутатом иранского меджлиса.

Масуди усердно служил и Реза-шаху и Геббельсу. Предательскими связями с германскими фашистами, интригами и вымогательством, шантажом и прямыми взятками Масуди нажил большое состояние и превратил свою газету в самую обеспеченную и распространенную в Иране.

Искусный политический хамелеон, Аббас Масуди умеет ловко приспосабливаться к часто меняющимся правителям Ирана и не менее ловко—к иностранным посольствам.

В 1943 году Масуди почуял, что дела у Геббельса плохи. Он быстро изменил свой внешнеполитический курс и занялся поисками нового хозяина. Масуди отправился в Палестину для встречи новоявленного «спасителя» Ирана и своего бывшего патрона Сеид Зия-эд-Дина. Старый политический проходимец возвращался в Иран после многолетней эмиграции, чтобы оплатить счета за свое содержание на заморских хлебах. Когда с помощью иностранцев он сделался депутатом иранского меджлиса, брат Аббаса — Джавад Масуди вошел во фракцию «Михан», которую организовал Сеид Зия из числа матерых реакционеров, проводников колонизаторской политики. Сеид Зия дал своей фракции кощунственное название «Михан» — «Родина». Однако единственное отношение, какое имели Сеид Зия и его сообщники к своей родине, заключалось в том, что они продавали ее оптом и в розницу.

Аббас Масуди официально не вошел во фракцию «Михан». Он пытался рядиться в тогу «независимого патриота», но неизменно проводил в меджлисе ту же линию, что и Сеид Зия,—линию, направленную на закабаление Ирана, на реставрацию старых диктаторских порядков в стране, против каких бы то ни было демократических преобразований. Газета «Эттеляат» рьяно выступала против демократического движения в Иране, клеветала на азербайджанских демократов, требовавших прогрессивных реформ.

Вместе с тем Масуди был и остался противником установления дружественных отношений между Ираном и Советским Союзом. Он находился в числе тех реакционных депутатов меджлиса, которые, вопреки воле иранского народа, отклонили известный проект о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества. 19 октября 1947 года иранская газета «Дад» прямо писала по этому поводу, что «Аббас Масуди участвовал в консультативном собрании по отчету Кавам-эс-Салтане о северной нефти и в составлении резолюции меджлиса об отклонении советско-иранского соглашения от 4 апреля 1946 года».

Со времен поездки в Берлин Масуди не потерял интереса к заграничным путешествиям. Он уже с'ездил и за океан, в Америку. Новое путешествие — новые друзья. Если раньше в «Эттеляат» печатались сообщения из Берлина, то теперь помещаются известия из Нью-Йорка и Вашингтона. Грязные измышления газетных трестов Херста и Маккормика по адресу Советского Союза и стран новой демократии быстро находят место на страницах «Эттеляат».

В последнее время прогрессивные иранские газеты разоблачают подозрительную деятельность американских военных советников в Иране, которые при попустительстве властей начали хозяйничать в иранской армии и жандармерии. Американцы навязали Ирану соглашение, которое угрожает независимости страны. Но глух и нем к этому ряженый «патриот» Масуди. «Эттеляат» молчит. Говорят, что молчание — золото. Это относится к Масуди в самом прямом и буквальном смысле слова. Не зря газета «Мардом» писала о братьях Масуди, что «они когда-то любили фунты стерлингов, а в последнее время питают неравнодушие к долларам».

Что и говорить: продажные братья — все вместе и каждый в отдельности!

В Союзе советских писателей

Состоявшееся на-днях совместное заседание комиссии по теории литературы и критике и комиссии по драматургии Союза советских писателей было посвящено вопросам теоретической разработки современной драматургии.

Докладчик А. Крон, выступавшие в прениях А. Слонимский, А. Глебов, А. Борщаговский, А. Бородин, Ю. Оснос, С. Мокульский, И. Юзовский, А. Богуславский, И. Чичеров, А. Файко говорили о том, что за последнее время вопросы теории драмы совершенно выпали из поля зрения наших критиков и театроведов. Опыт лучших советских драматургов, принесших на сцену вместе с новым жизненным содержанием и новые творческие принципы, до сих пор еще не изучен и не обобщен. Характерно, что в изданном Всероссийским театральным обществом сборнике «Советский театр за 30 лет», который должен был подвести итоги развития нашего театра и драматургии, нет статьи о советской драматургии.

На собрании был намечен ряд практических мероприятий, которые должны стимулировать исследовательскую работу.

Принято решение подготовить к печати сборник статей «Проблемы истории и теории советской драматургии», провести совместно с Всероссийским театральным обществом научную конференцию на тему «Образ положительного героя в советской драматургии», обсудить итоги дискуссии в журнале «Театр» по вопросам эстетики советской драмы, а также ряд книг, посвященных русской и советской драматургии («Драматургия Чехова» В. Ермилова, «Советская историческая драматургия» Ю. Осноса, «История русского драматического театра» С. Данилова, «Драматургия» А. Бородина и др.), поставить вопрос перед издательствами «Искусство» и «Советский писатель» о выпуске в ближайшее время ряда монографий о творчестве ведущих советских драматургов.

* * *

Союз советских писателей совместно с Комитетом по делам искусств проводит в Москве творческую конференцию-семинар драматургов. На конференцию приглашены 25 начинающих драматургов из Ленинграда, Саратова, Ростова-на-Дону, Иркутска, Красноярска, Брянска, Махач-Кала и других городов СССР.

Это молодые драматурги, проявившие себя во время конкурса на лучшую пьесу. Участникам конференции будут прочитаны лекции по вопросам социалистической эстетики, теории и истории драмы. Будут также проведены беседы с драматургами Л. Леоновым, Н. Погодиным, Б. Ромашовым; режиссерами Ю. Завадским, А. Лобановым, А. Поповым; показаны лучшие спектакли на современные темы.

Важнейшую часть работы конференции составит обсуждение пьес, написанных участниками конференции. Руководить творческими семинарами будут А. Крон, Л. Малюгин и А. Файко. Конференция открывается 17 мая и продлится две недели.

* * *

В течение двух дней — 11 и 12 мая — в Центральном доме литераторов продолжалось обсуждение сборника «Проблемы социалистического реализма» (издательство «Советский писатель»), организованное комиссией по теории литературы и критике.

В обсуждении приняли участие: В. Перцов, В. Озеров, Е. Ковальчик, Е. Гальперина, В. Друзин, Н. Лесючевский, Р. Мессер, З. Паперный, В. Гальперин, Б. Костелянец, В. Архипов, а также авторы сборника: Е. Тагер, Т. Мотылева, Б. Бялик.

Отчет о дискуссии будет опубликован в ближайшем номере «Литературной газеты».

СЛОВО МАСТЕРОВ

Знатные московские люди — мастера Н. Российский, М. Круглов, А. Боровиков, А. Винокуров, Н. Задороженко и Л. Репин—написали книгу «Слово мастеров», в которой делятся опытом работы, раскрывают «секреты» своих успехов. Эта книга, выпущенная Профиздатом, вызвала глубокий интерес у работников самых различных отраслей промышленности.

На-днях мастера и рабочие автозавода имени Сталина пригласили к себе авторов «Слова мастеров». Выступавшие на обсуждении мастера А. Пушкарь, И. Муромцев, А. Шевченко, И. Смирнов, Л. Зыкова отмечали большую познавательную ценность книги, а также рассказали о своих методах работы. Они говорили, что авторы хорошо показали роль мастера.

К сожалению, тираж книги невелик, и уже сейчас она является библиографической редкостью. Работники Профиздата, присутствовавшие на встрече, сообщили, что принято решение переиздать книгу.

В обсуждении также принял участие мастер завода «Калибр», один из авторов книги — Николай Российский.

Стипендии имени В. Г. Белинского

Министерство просвещения РСФСР вынесло решение об увековечении памяти В. Г. Белинского.

Имя В. Г. Белинского присваивается мужской средней школе в гор. Чембары Пензенской области, Чембарскому педагогическому училищу и Пензенскому педагогическому институту. Учреждены стипендии имени Белинского для аспирантов Московского педагогического института имени Ленина и Ленинградского педагогического института имени Герцена.

ВЫСТАВКА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

В Доме культуры Армянской ССР открыта первая выставка книжной графики. На ней представлены работы тридцати шести художников.

На выставке состоялось совещание художников с издательскими и полиграфическими работниками, на котором были обсуждены пути повышения качества книжного оформления. Участники совещания отмечали достижения издательств в оформлении сочинений классиков марксизма-ленинизма. В этих изданиях найдены черты советского стиля оформления книги — простые, строгие и содержательные.

Однако участники совещания отметили и серьезные недостатки книжной графики. Художники мало работают над оформлением массовых изданий, над созданием простейшей шрифтовой и наборной обложки. Выставка отметила необходимость освоения в книжной графике лучших образцов классического наследства, народного творчества, богатства национального орнамента.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01737.